

Максим Михайлов

*Долг не отменяет
честь*

Арабская весна

Максим Михайлов

Арабская петля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28767245

Аннотация

Советская Армия многие годы ковала из обычных мальчишек непревзойденных бойцов, внушавших врагам страны панический страх. Прошедшие особую психологическую закалку, обученные мастерски владеть оружием эти люди готовы были отдать жизнь за Родину и внушенные им идеалы.

Но Союз развалился, похоронив под своими обломками прежнее величие и мощь. В одночасье потерявшие все ориентиры, разуверившиеся во всем, что для них было свято последние солдаты Империи оказались не у дел, в новом, чуждом для них мире. Кто-то из них стал бандитом, кто-то наемником на чужих войнах...

Вот только можно ли окончательно подменить совесть, честь и умение служить великой идее бумажками денежных знаков?

Чечня, Ирак, Россия... Основано на реальных событиях.

Содержание

Кролики	4
Казанский Кадетский Корпус	50
База	89
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Максим Михайлов

Арабская петля (Джамахирия)

Кролики

Легкий ночной ветерок после раскаленного, будто в аду на сковородке проведенного дня освежал, как глоток хрустально чистой и свежей родниковой воды. «Тихая прохлада...» – пришло на ум не то услышанное в каком-то фильме, не то вычитанное в забытой книге определение. Там оно означало венец стремления человека, абсолютный покой и тишь, полное отсутствие необходимости что-то делать и куда-то стремиться. Такая вот несколько грустная интерпретация рая. В расплывчатом зеленом свете ночника вроде бы знакомая как свои пять пальцев местность приобретала необычные сюрреалистические очертания, открываясь пытливому глазу наблюдателя все новыми и новыми гранями. Словно попал на другую планету, вертящуюся под бледным зеленым светом незнакомой на тысячи парсеков удаленной звезды. Лишь привычно скрипевшая на зубах, покрывавшая тонким мягким слоем лицо, одежду и оружие вездесущая мелкая песчаная пыль с беспощадной реальностью свидетельствовала

ла о том, что перед глазами никакой не звездный пейзаж, а все та же изрядно опостылевшая за два месяца Джамахирия, мать ее через колено. Все тот же чертов Эль-Хабр! Тот же долбаный район полуразвалившихся строенных из сырого кирпича халуп местной бедноты примыкающий к нефтебазе и охватывающий ее цепким жадным объятием с севера и востока. Красная зона, если обзывать по пиндосовски. А по-русски проще и лаконичней – жопа! Амеры они такие, слегка ошалевшие от нескольких веков демократии и свалившегося на голову мирового господства. Тяжела она шапка Мономаха, мозги немного разжижает! Ну и вообще бремя белого человека – нести дикарям цивилизацию кока-колы, оно довольно тяжелое, вот и дуреют потихоньку. Ишь, «красная зона», придумают же! Какого черта хаджи, с легкой руки все тех же амеров это жаргонное обозначение местных арабов прижилось и употреблялось повсеместно, не спалили эту нефтебазу, было не ясно. В первые дни вторжения коалиционных сил они жгли нефтяные запасы с поистине маниакальным энтузиазмом – мол, хрен вам по всей морде, гяуры! Здесь же однако, что-то то ли не сработало, то ли пошло не так, как намечалось, кто же теперь точно скажет? Только небольшая база с огромными бочками резервуарами оказалась абсолютно целой и даже насосы и прочее оборудование работали исправно. И вот ее то со всем имуществом, а за одно уж и двумя десятками душ обслуживающего персонала и держали под охраной специально нанятые гарды Компании.

– Внимание! Сработка на третьем датчике! Сработка на третьем датчике! Группа «Браво», как поняли?

Отвечать не хотелось. Что сегодня ночью будет сработка он знал заранее, и даже приблизительно вычислил время. Снайпер приходил регулярно, как на работу – ночь через ночь. И пару раз уже натыкался на датчики, вот только ничего хорошего до сих пор из этого не выходило. В лабиринте запутанных кривых улочек полуразрушенных бедняцких кварталов состоящих из развалин одно, реже двухэтажных домишек вычислить его лежку не представлялось возможным. И группа, напрасно проблуждав до утра, до последней грани истрепав и так постоянно натянутые нервы, возвращалась на базу не солоно хлебавши. Снайпер, конечно, замечал их потуги и, похоже, от души забавлялся, глядя на эту игру. Но это пусть, забавлять мы готовы кого угодно, лишь бы платили. Вот только этот гад еще и стрелял, на счету неуловимого невидимки уже было двое контрактников. Погибший первым здоровяк по прозвищу Борман в какой-то мере стал жертвой своей собственной глупости. Снайпер застрелил его классически, когда разомлевший от ночной прохлады Борман закурил сигарету на втором наблюдательном посту, на крыше конторского здания. Пуля попала точно в голову, выбив на хрен всю затылочную часть черепа. Собственно нельзя сказать, что Борман, прошедший несколько горячих точек в регулярной армии и почти столько же частным образом, был настолько кретином, что не помнил о вреде курения

на посту. Помнил, конечно, просто долгая спокойная жизнь на объекте его несколько расслабила, внушив понятие ложной безопасности, и то сказать, последний обстрел случился больше месяца назад, да и тогда палили неприцельно, хоть и азартно и естественно никого даже не зацепили. О снайперах в их районе на тот момент никто и не слышал. Наоборот, ежедневно видя основную массу неприкаянно шатавшихся оставшихся после полного и окончательного разгрома вооруженных сил без средств к существованию местных силовиков, бойцы проникались к ним все большим презрением, уж больно неприглядно и жалко те выглядели. Куда уж им снайперить. Даже хваленные «паблики» – республиканские гвардейцы, которых откровенно побаивались пиндосы, и те смотрелись совсем непрезентабельно. Неубедительно, что ли, одним словом несерьезно.

Вот из-за этого ложного впечатления собственной крутизны и лоховатости местных, которое всего одним выстрелом развеял снайпер, парни на базе и впали в тихую панику, хотя практически для всех подобное положение было не раз испытанным, чуть было не сказал привычным, но вспомнил, что привыкнуть к постоянно смотрящей тебе в спину оптике все же нельзя. Притерпеться можно, а вот привыкнуть нет. Еще масло в огонь подлили юристы Компании как дважды два доказавшие, что Борман погиб по собственной неосторожности, а соответственно обещанная страховая выплата в размере ста тысяч баксов будет снижена до двадцати тысяч.

Хлоп! И ваших нет! Так то вот, супермены, закон есть закон! Если уж совсем честно, то никто из набранного в странах СНГ и Восточной Европы отряда и не рассчитывал всерьез на то, что его жизнь будет стоить таких денег, давно выработанным всевозможными реформами чутьем понимали, что обязательно нае... как обычно бывало. Но видно все же теплился где-то в глубине души огонек надежды, мол, капиталисты все-таки, настоящие с Запада, там у них все конкретно, а как понятно стало, что Запад Западом, а при любой возможности все равно свое у тебя из глотки вырвут, так и приуныли парни, еще и снайпер этот...

А снайпер тем временем принялся шляться к нефтебазе регулярно. Приходил под утро по темноте, весь день лежал, затаившись в развалинах, наблюдал, на закате в последние минуты перед падением на землю густого покрывала темной южной ночи стрелял. Всегда только один раз, попал, не попал, без разницы, и тут же уходил, потом сутки не беспокоил. Вот эта регулярность и пугала, казалось, снайпер смеется над всеми попытками его изловить. Чего только не делали перепуганные и от этого озверевшие гарды: ставили мины на старых лежаках, днем накануне наступления роковой ночи прочесывали окрестные развалины, напихали где только возможно дефицитные и жутко дорогостоящие вибродатчики и наставили сигналок. Однако все было бесполезно: стрелял снайпер каждый раз с нового места, а чтобы качественно прочесать забытый богом лачужный район требовалось

не менее батальона бойцов, а уж никак не две группы по десятку, то же с датчиками и сигналками – слишком много их было необходимо для надежного перекрытия местности.

Следующей жертвой стал Пшик – невысокий пшенично-усый поляк, ни фига не рубивший по-русски и объяснявший-ся при помощи ломанных английских слов и жестов. Прозвище его произошло от измененного пшек, как звали его наиболее просвещенные члены отряда, однако для основной массы это показалось сложно и совсем неприкольно. Так пшек превратился в Пшика, веселого и забавного парня, никогда не унывающего и готового по любому поводу скалить зубы. Снайпер подловил его во время пересменки постов, ну не захотелось гордому шляхтичу даже в опасную ночь ползком елозить до поребрика окружавшего крышу конторы. Решил быстренько пробежаться пригнувшись. Пробежался... И опять пуля точно в голову. И опять срезанная страховка. Как же! Нарушение мер безопасности! Ну прям как на каком-нибудь отечественном заводе!

После этого случая за снайперюгу взялись всерьез. Больше не доверяя ни минам, ни датчикам начали по ночам выводить в район специальные команды охотников, надо сказать, что представители Компании категорически отказались устанавливать для них какие-либо надбавки за риск, ну хоть срезать страховку не угрожали, и на том спасибо. Команды, ориентируясь на сигналы вибродатчиков шерстили развалины, надеясь перехватить снайпера на подходе. До сих

пор результата не было, хотя техника засекала вражину не раз, правда и прицельных выстрелов стало заметно меньше, все же нервничал снайперюга, берег себя родимого, однако упорно возвращался к нефтебазе каждую вторую ночь.

– Стасер, ты что заснул? Третий датчик сработал! Это же рядом совсем! Щас реально этого козла за яйца взять можно! – змеей зашипел ему в левое ухо, прижимавшийся рядом к осколку глинобитной стены тонкокостный дерганый боец по прозвищу Хунта.

У Хунты свой счет к снайперу, с Борманом он давно приятельствовал и успел побывать не в одной переделке. Остальные, надо сказать, восприняли гибель двух членов отряда довольно равнодушно: раньше были не знакомы, сдружиться толком не успели, так что сдохли и хрен на них... Главное, чтобы подобная неприятность не случилась лично с тобой, а товарищи по оружию интересуют лишь в плане наличия или отсутствия качественной огневой поддержки, если вдруг начнется заваруха. Но тут уж ничего не поделаешь – такова специфика любого наемного отряда. Каждый сам за себя и свою выгоду, остальное на втором плане. Умный, конечно, понимает, что о товарище надо всячески заботиться, тогда и он тебя в случае чего спасет и прикроет, но не так уж их много, умных то. Так что и сам Стасер, и вся группа Браво мстить снайперу за Бормана и Пшика отнюдь не рвались. Затоптать гниду, чтобы прекратил лично мне угрожать это да! А такая абстрактная категория как «мне отмщение и аз

воздам» у профессионалов не прокатывает, нерентабельно это. Иное дело Хунта. У того аж слюна сочиться начинала от предвкушения, что он с этим снайперюгой сделает, когда возьмет. Он ему такие пытки и мучения на досуге придумывал, что маркиз де Сад просто слезами в гробу обливался. Вот и сейчас, аж трясется весь от нетерпения, верхняя губа по-волчьи в оскале вздернулась, зубы еле слышно скрежещут, пальцы цевье тискают. В свете ночника видок тот еще – жуть вампирья!

– Тормозни, братишка! Третий как раз на развилке. По-дождем, какой дальше отметится: второй или четвертый, а то опять три квартала чесать придется, как в прошлый раз.

Свистящий шепот, на пределе слышимости. Хрен его знает, снайперюгу, какой у него слух, того гляди, спугнешь, ночью в мертвом городе звуки далеко несутся. Замерли, даже в «совиные глазки» ни черта не видать, как снайпер в такую тьму ориентируется в лабиринте местных развалюх, один Аллах ведает. Зато уши в ущерб все равно бесполезному сейчас зрению у парней только что не шевелятся, так старательно ловят они малейший звук, который соизволит подарить им, пропустив из под своего черного ватного покрывала, южная ночь. Долгое время однако их терпение и выдержка ничем не вознаграждаются, вокруг стоит абсолютная тишина, ни шороха, ни скрипа. Впрочем, это неудивительно с появлением снайпера эту территорию оставили все пытавшиеся поселиться в брошенных развалинах бродяги и

местные бомжи. Ушли от греха подальше даже животные – разъяренные и напуганные потерями гарды стреляли на любой звук, любое смутно мелькнувшее в развалинах движение и в первые дни после гибели Бормана около нефтебазы частенько можно было наблюдать свежезастреленную ночью бездомную псину.

Стасер опустил глаза весь обратившись в слух, стараясь даже дышать как можно медленнее и размереннее сливаясь с теплой, еще не остывшей после раскаленного дня саманной стеной покосившейся развалюхи, более всего напоминавшей слегка подросший скворечник. Где-то на периферии мозга тут же мелькнула удивленная мысль о том, что неужели люди, жившие в этих вот хибарах, действительно могли чем-то всерьез угрожать безопасности такой закованной в броню сверхдержавы, как Соединенные Штаты. Ой, что-то слабо верится... Конечно многие из них фанатики, готовые идти на смерть ради торжества исламистских идей, бесспорно их Хусейн тоже тот еще пряник, само собой братских чувств к американцам не питавший, но не полный же он даун, чтобы пытаться создать ядерную бомбу для борьбы с ними. Вряд ли он вообще всерьез помышлял о таком противостоянии, у него и своих проблем было выше крыши, а уж связываться с Америкой ему и в страшном сне поди не приснилось бы, слишком не равны весовые категории... Тем не менее вот что мы имеем: связался и получил по морде. Небось до последнего надеялся, что обойдется как в прошлый раз одними

бомбардировками уничтожившими лишь те цели, которыми сознательно решили пожертвовать. Но нет, шалишь! В этот раз расклад сил в мире малость другой оказался, и не побоялись янкесы наземной операции. И на свою кровь и на мнение мирового сообщества просто положили. А чего уж там после Югославии стесняться, насыпай от пуза! И побежали хваленные «паблики» раздавленные, раскатанные в тонкий блин техническим превосходством противника.

Одного не учли полководцы и политики дяди Сэма, позабыли в гордыне новых хозяев планеты – разбить армию любой страны третьего мира, имея в своих вооруженных силах по пять компьютеров на каждого бойца, да пятикратное превосходство в технике, большого ума не надо. Гораздо сложнее победить народ, это пока еще не удавалось никому, а уж в азиатских странах и подавно. Разбитые, рассеянные дивизии Саддама давно прекратили сопротивление, генералы и высшие функционеры партии Баас оказались в бегах, либо за решеткой и тут вдруг все пошло совсем не так, как хотелось завоевателям. Вместо того чтобы радоваться обретенной свободе и, как и положено всем недалеким туземцам радостно менять бесценные природные богатства своей страны на демократические стеклянные бусы и консервные банки, иракцы, будто постепенно просыпаясь ото сна, словно выздоравливая от оцепенения в котором они находились все короткие дни, что смогла продержаться против коалиционных сил регулярная армия, начали оказывать сопротивление

захватчикам. И чем дальше, тем компания неповиновения больше набирала обороты. Началось с того, что во вновь создаваемые органы государственной власти и национальную гвардию добровольно идти пожелали вовсе немногие, и что еще более удивительно, эти немногие в большинстве своем оказались вовсе не новыми людьми, а все теми же бывшими работниками Баас среднего и нижнего звена. Истинные последователи ислама отнеслись к вторгшимся в страну гяурам с подобающим презрением и само собой сотрудничать с ними не желали, так что особого выбора у штатовской военной администрации не было. Они даже объявили о том, что согласны принять во вновь формируемую национальную гвардию офицеров прежней армии до майора включительно, однако на этот призыв отозвалось не слишком много желающих и явно, не убежденных сторонников нового режима, а просто несчастных людей доведенных до отчаяния голодом и безработицей.

А вскоре дело дошло и до стрельбы, оружия у местного населения на руках оказались просто неисчерпаемые запасы и сколько его не изымали во время плановых рейдов и зачисток, меньше его не становилось. А если прибавить к этому, то обстоятельство, что сразу же после образования местной полиции и национальной гвардии появилось великое множество поддельных удостоверений этих структур, позволявших легально носить с собой хоть гранатомет, то сразу станет понятно, что задача разоружения иракского народа на ближай-

шее время представлялась насквозь невыполнимой. Стреляли чем дальше, тем больше, по расположению коалиционных войск, по городкам иностранных советников, наблюдателей и специалистов, просто по проезжающим колоннам машин. Стреляли ежедневно, в самых неожиданных местах и частенько попадали в цель. Традиционная партизанская тактика блошинных укусов начинала приносить свои плоды – иракская земля в прямом смысле слова горела под ногами оккупантов, а покрытые звездно-полосатыми стягами цинковые гробы нескончаемой вереницей двинулись через океан в сытую и благополучную Америку.

Надо сказать, что разленившиеся и ожиревшие от благополучной и спокойной жизни западные демократии с большим негодованием относятся к фактам гибели где-то за рубежом их граждан. Их жителям по большому счету наплевать на высокую политику и государственные интересы в отличие от голодных и злых славян, привыкших к жизни при тоталитарном строе, предполагающим приоритет общественного над личным. Добропорядочный американский обыватель хочет гарантий спокойствия и благополучия как для себя лично, так и для любого гражданина своей страны, и то, что какие-то недоразвитые грязные арабы где-то на другой стороне океана имеют наглость убивать таких замечательных американских парней, принесших им демократические ценности в обмен на нефть, вызывает у него просто шок, а во всем, что его шокирует обыватель привык традици-

онно винить президента. Короче так и до импичмента недалеко... Вот собственно для сбережения драгоценных нервов налогоплательщиков, командование коалиционных сил и новая иракская администрация и начали обращаться за помощью к частным военным компаниям.

О компаниях этих следует рассказать особо, так как явление это насколько интересно, настолько и малоизвестно широкой публике. История их началась в печально памятный период африканских войн за независимость. После окончательного падения режима апартеида в Южной Африке тысячи профессионалов из армии и полиции этому режиму служившие остались не у дел. А в то же самое время соседние страны просто полыхали чередой вооруженных конфликтов, межплеменных и межклановых войн, революций и переворотов. Понятно, что профессиональные солдаты без работы пробыли недолго. Но это был лишь первый этап, время одиночек: рыцарей без страха и упрека, романтиков, убийц и садистов. Эти парни действовали на свой страх и риск, порой объединяясь в группы и даже целые батальоны под предводительством сильного авторитетного лидера. Действуя таким образом, они пролили немало крови жителей экваториальной и западной Африки, хотя и сами щедро удобрили африканский буш своими телами.

Но за эпохой героев всегда приходит время купцов и банкиров, так случилось и на этот раз. Очень скоро возникла первая международная частная военная компания, предла-

гавшая услуги военных специалистов, как для обучения и тренировки вооруженных сил клиента, так и для личного участия в конкретных военных операциях. Называлась она Executive Outcomes (ЕО). Подчеркнуто невыразительное название можно перевести с английского как «эффективное исполнение». Фирма была основана в 1989 году в Южной Африке. Известность пришла к Executive Outcomes после операций в Анголе и Сьерра-Леоне. В последней наемники просто спасли законное правительство страны. В Сьерра-Леоне в 1992 году началась гражданская война, правительственные войска терпели одно поражение за другим, а мятежники занимали всё новые и новые территории. Наконец, правительство обратилось за помощью к наемникам. Прибывшие на место боевых действий сотрудники Executive Outcomes быстро переломили ход событий. Граждан Сьерра-Леоне особенно тронуло то, что под воздействием наемников преобразились и сами вооруженные силы страны. Раньше недисциплинированная армия терроризировала и грабила местное население. Наемники ввели другие порядки. Солдат, пойманных в пьяном виде или обвиненных в «недостойном» поведении, попросту били. Уже через несколько месяцев мятежники обратились в бегство. Однако вся эта история имела и обратную сторону. За удачно проведенную военную операцию правительство небольшой африканской страны заплатило фирме 15 миллионов долларов. Кроме того Executive Outcomes получила долю в тор-

говле алмазами и другими полезными ископаемыми на территории Сьерра-Леоне.

Неудивительно, что подобный финансовый успех вызвал целую бурю подражателей по всему миру. В одночасье частные военные компании как грибы после дождя начали возникать в США, Великобритании, Франции, Испании и даже Малайзии и Индонезии. Недостатка в работе у поставленных на коммерческую основу наемников не ощущалось, конец двадцатого века был чрезвычайно щедр на военные конфликты разной интенсивности. А деньги, которые законные и не очень правительства готовы были платить за выигранные чужими руками войны, с лихвой перекрывали зарплаты военных специалистов, в которых после окончания холодной войны и распада блока Варшавского Договора недостатка не ощущалось. Что ж, спрос рождает предложение. Причем руководство военных компаний имело настолько влиятельных покровителей, в высших эшелонах власти стран определяющих само понятие международного права, что к их сотрудникам считалось абсолютно не правомерным применение понятия «наемник», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сами бойцы тоже избегали таких затасканных штампов как «псы войны» или «дикие гуси», предпочитая нейтрально именовать себя специалистами. Действительно «специалист по контролю безопасности освобожденных территорий», звучит гораздо благозвучнее, чем более близкое по сути «каратель», а «специалист по острым ак-

циям» заведомом благороднее, чем «диверсант и наемный убийца».

В Ираке частные военные компании появились после того, как окончательно стало ясно, что идеи построения проамериканской исламской демократии потерпели полное поражение, и командование коалиционных сил стоит перед лицом все разгорающейся партизанской войны, которая не кончится до тех пор, пока не будет жестко зачищена вся территория страны, либо незванные демократизаторы не уберутся восвояси. Поток гробов через океан с каждым днем уплотнялся, а под президентом Бушем ощутимо закачалось президентское кресло. Вот тогда то и пошли заключения контрактов с частными военными компаниями, причем подписывали их не кто-нибудь, а министерства и ведомства правительств США и Великобритании собственной персоной, не удержалась от вербовки частных солдат, для охраны своих миссий в Ираке и мировая здравоохранительная организация, а также само собой и новообразованное Иракское правительство. Частников тут же засунули в самые горячие и опасные места, с облегчением отведя оттуда регулярные армейские части. Официальные потери мгновенно сократились, что дало повод глубокомысленно рассуждать с экранов телевизоров о наметившейся стабилизации обстановки.

Действительно прошедшие огонь и воду профессионалы гибли значительно реже, чем пусть даже хорошо обученные и технически оснащенные, но необстрелянные бойцы коа-

лиционных сил. Гибли реже, чаще убивали сами, практически несдерживаемые никакими правилами и нормами, наученные на личном опыте главному закону войны: «стреляй первым, там разберемся», частные специалисты в короткий срок заставили партизан себя уважать. А яркие эмблемы фирм держащих под охраной те или иные объекты вскоре стали пользоваться сколь широкой столь и мрачной славой по всей территории страны. Достаточно перечислить наиболее известные названия: Custer Battles – охрана аэропорта Багдад, Blackwater Security Consulting, Erinys Iraq Limited – охрана нефтяных полей и трубопроводов, Hart Group – охрана энергетической системы Ирака, Kroll – сопровождение конвоев ООН, Military Professional Resources, Inc. – обучение национальной гвардии Ирака, Titan Corporation – контроль тюрем и многие, многие другие...

Стасер с усмешкой скосил глаза на левый рукав своей черной рубахи, украшенный шевроном с которого скалил в зверской гримасе белоснежные передние зубы облаченный в лихо заломленный десантный берет кролик. «Wild rabbit» гласила витиеватая надпись по верхнему краю нашивки. Да в юморе устроителям компании не откажешь, надо же такое придумать – дикий кролик! Интересно, а такие в принципе бывают? Или есть только домашние? Да в общем какая разница? Кто подставил кролика Роджера? Вот вопрос достойный внимания этой ночью...

– Браво, сработка на четвертом датчике. Как меня слыши-

те? Сработка на четвертом датчике! Он идет на вас, парни! Сделайте этого пидора!

– Понял, начинаю движение, – по-змеиному тихо прошипел в равнодушный эфир Стасер.

– Удачи, мужики! Возвращайтесь живыми!

– И тебе не хворать, – задумчиво проговорил Стасер, жестом подзывая бойцов группы. – Значит так, парни. Этот урод выходит прямо на нас, скорее всего он идет к «Горбатой» двухэтажке...

– Это к той, что рядом со сквером, развалюха на верблюда похожая? – перебил Хунта.

– Да, к ней. В той стороне больше нет удобных вышек, с которых базу видно. Не с первого же этажа ему стрелять. Так что наверняка он именно туда прется, ну или кругом совсем в другой сектор. Только это вряд ли, на кой ему тут лишние круги нарезать, знает же, что мы его пасем. Короче расклад такой: делимся на две группы, первую веду я, вторую – Хунта и выходим к «Горбатой» с двух сторон. Перекрываем пути отхода и смотрим, там наш друг или нет. Ясно? Вопросы? Хорошо. При движении таблом не шелкать, это мы думаем, что он на «горбатой» засядет, а он поверх нашего расчета запросто свой написать может. Так что внимательно там, и без необходимости в эфир не шелестеть, говорим только я и Хунта, хрен его знает у него и сканер на нашу волну настроенный может оказаться.

Бойцы, призрачно зеленоватые в свете ночника, делови-

то кивали, впитывая подробности инструктажа. В принципе, все они тут были не раз и не два проверенными в деле, обстрелянными, битыми жизнью и войной профессионалами, но, тем не менее, диктуемые Стасером прописные истины выслушивали, не ропща и не пытаясь бравировать своей крутизной. Знали, лишнее напоминание не помешает, слишком много крови стоит «звездная болезнь» в их профессии, вспомнить хоть бедолагу Бормана.

– Так. Со мной пойдут Чуча, Барс, Негатив и Ариэль. Остальные с Хунтой. На подходе к «Горбатой» связь по эфиру. Двинулись, «кролики»!

Неслышными тенями скользнули вдоль улицы, стараясь держаться в густой тени домов, практически сливаясь с ночной темнотой, бесплотными призраками пересекая редкие освещенные выглянувшей из-за туч луной прогалины. До «Горбатой» двухэтажки было не больше десяти минут ходу, даже вот в таком настороженном режиме, постоянно вертя головой на триста шестьдесят градусов и каждую секунду ожидая автоматной очереди из глубины развалин или встречи нос к носу с врагом. Стасер чувствовал, как взмокли холодным потом ладони, и пробежали по пояснице быстрые неприятные мурашки, верные предвестницы грядущей схватки, тело на бессознательном уровне реагировало, на хоть и полученную мозгом, но старательно игнорируемую информацию, оформляющуюся лишь в неясное предчувствие. Да в этот раз без драки, похоже, не обойдется, уж боль-

но все сошлось в цвет и невидимке-снайперу, столько времени их терроризировавшему просто некуда деться. Стасер, если честно, дорого бы дал, за то, чтобы этот ночной шакал вышел сегодня на позицию также неудачно, только на участке другой группы. Он давно уже переболел романтикой войны и совершенно справедливо считал, ее скорее нудной и тяжелой на пределе душевных и физических сил работой, чем рискованным приключением, так что когда выпадала такая возможность, он с удовольствием оставлял героические подвиги другим, довольствуясь ролью обычного чернорабочего этого безумного процесса уничтожения себе подобных. Однако сегодня не сложилось – снайпер вышел именно на него и теперь придется драться, хочется ему этого или нет, значит нужно, все сделать как можно аккуратнее и без лишнего риска, хватит нам уже потерь, право слово.

Занятый этими невеселыми мыслями Стасер чуть не прозевал выход к небольшому скверу возле «Горбатой». Видимо здесь когда-то до войны обитал араб чуть более зажиточный, чем его соседи и обнесенный остатками глинобитной стены сквер служил ему местом отдыха и выгула жен. Даже сейчас тихий шелест листвы под прохладным ночным ветерком настраивал на умиротворенный благодушный лад. Плодовые деревья, кое-где были немилосердно искорежены ударами взрывной волны и осколками, в свое время пиндосы вывалили немало авиабомб на этот район. Интересно, чем он так сильно им угрожал? Или это случайность? А как же хва-

ленное точечное бомбометание? Сам дом тоже изрядно пострадал от прямого попадания чего-то видимо очень небольшого, так как стены все-таки устояли, лишь полностью стесало восточный угол строения, превратив его как бы в макет в разрезе, этакий гигантский домик Барби. Не плохо было бы подарить такой внукам Буша, пусть играют в своего деда и устроенную им войну...

Над плоской крышей второго этажа выдавалась невысокая башенка на манер европейского пентхауза, совершенно не характерная для местной архитектуры, именно за нее двухэтажка и была прозвана «Горбатой», или «Верблюдом», тут уж кому как нравится. Строение было весьма приметным и считалось одним из официальных ориентиров при пристрелке секторов и целеуказаниях. Если снайпер действительно решил сегодня стрелять со столь известного места, то видимо Аллах лишил его разума. Хотя если вспомнить, что темнее всего под фонарем, то, возможно, все это не так и глупо, как могло показаться на первый взгляд. В любом случае, если стрелок здесь, то сидеть он должен как раз в той самой расположенной на крыше башенке. Больше просто негде, достаточный обзор только оттуда, а если уж рисковать и вообще пользоваться столь заметным строением, то странно было бы не использовать все даваемые им преимущества.

Стасер махнул рукой, приказывая своим бойцам рассыпаться вдоль остатков ограждающей сквер стены и наблюдать, готовясь к атаке, и сам осторожно прилег возле теп-

лого приятно шершавого на ощупь выступа, внимательно вглядываясь в воздушно-нереальный в зеленом свете силуэт «Горбатой». Он знал, что Хунта со своей группой подойдет к намеченному рубежу не раньше, чем через десять минут, слишком большой крюк по кривым узким улочкам необходимо ему для этого сделать. Подходить к «Горбатой» раньше, чем все загонщики будут на местах, смысла не имело, поэтому пока можно передохнуть, подышать по специальной методике, нормализуя тревожно бухающее в груди сердце, расслабить и посжимать в кулаки, непроизвольно подрагивающие пальцы, постараться успокоить звенящей струной натянутые нервы. Конечно, достичь полного спокойствия не удастся, это он точно знал по опыту, но привести себя хотя бы в относительный порядок можно. Само собой уже одного того факта, что где-то там впереди, укрытый ночной темнотой, затаился твой смертельный враг, который ни секунды не сомневаясь, нажмет на спусковой крючок, едва ты неосторожно мелькнешь в прицеле его винтовки, вполне достаточно для того, чтобы вывести из равновесия любого. Но правильный настрой, для таких вот ситуаций выработать в себе все равно можно, а если хочешь выжить на работе в частной военной компании, то просто необходимо.

Стасер лежал, полностью расслабив мышцы, растекаясь подобно жидкому киселю по утрамбованной земле и камням, сливаясь с ними, растворяясь в окружающем пейзаже, даже дыхание его стало медленным и поверхностным, по-

что как у спящего человека. Сейчас в полную силу работали только органы чувств, фиксируя малейшее изменение в окружающем мире, ловя каждый скрип, каждый шорох, до рези в глазах вглядываясь в зеленое марево нереального лунного пейзажа. Остальные бойцы его группы сейчас были заняты тем же самым, но все же первым врага засек Стасер. Куча мусора справа от дверного проема на первом этаже «Горбатой» вдруг шевельнулась, задрал в небо что-то длинное и тонкое до чрезвычайности напоминающее автоматный ствол, блеснула высвеченным лунной металлическим боком плоской фляжки и вновь приняла прежнее положение. Стасер почувствовал, как предчувствие охотничьей удачи нервной дрожью пробило поясницу. Кто это? Снайпер? Тогда какого хрена он тут делает? Лежит притворяясь кучей бесполезных обломков... Да с этой позиции ему виден только клочок улочки по которой они сюда просочились, как он только их не засек? Хотя без ночника тут хрен чего увидишь, такая ночь, хоть глаз коли, лишь изредка луна выглядывает... Но это нам прямо скажем повезло, заметил бы так попластал на подходе очередями, мало бы никому не показалось... Попластал очередями? Точно... Вот тебе и ответ на вопрос... Никакой это не снайпер! Он вооружен автоматом, это прикрытие! Стасер в очередной раз подивился способности мозга вытаскивать в нужный момент отмеченные подсознанием, но не отфиксированные на сознательном уровне детали. Конечно, ведь когда этот урод поворачивался, Ста-

сер какие-то доли секунды мельком видел его оружие и вот, поди же ты, мозг сам по себе успел за это время идентифицировать автомат.

– Стасер, это Хунта, мы на месте, – прошипел искаженный помехами голос в наушнике. – Здесь какой-то клоун, под стеной разлегся, похоже прикрытие.

– Серьезно. У нас тоже. Осмотритесь внимательнее, может это еще не все.

– Понял, делаю.

– Внимание, группа, это Стасер. Ариэль, осторожно сползай, посмотри, нет ли кого сзади дома, потом мне доклад. Чуча, со своим снайперским автоматом ко мне. Барс, Негатив, приготовились, как только мы снимем этого хмыря, рывок к дому и входите на первый этаж. Только на первый, дальше не суйтесь. Все поняли?

– Ариэль принял.

– Барс слышал.

– Негатив понял.

– Чуча?

– Чуча уже здесь, начальник, – хитро улыбнулся, неслышно возникая из-за обломка стены, боец.

– Видишь его? – показал направление Стасер.

– Вот того, который из себя кучу говна изображает, правее входа? Отлично вижу.

– Сможешь отсюда его гарантированно снять?

– Легко, начальник, пулю на выбор в любое предсердие

или желудочек.

– Хорошо, жди. По моей команде свалишь его.

– Стасер, это Хунта, мы проверили вокруг чисто.

– Отлично, по моей команде, валите своего клоуна и броском выходите к зданию, дальше первого этажа не идти, как понял?

– Понял, делаю.

– Стасер, это Ариэль. Сзади чисто.

– Хорошо будь там, присматривай.

– Принял.

Вот вроде бы и все: парни расставлены по местам, задачи определены, ждут только его слова. Сейчас он рявкнет: «Вперед!», и судьба всех этих людей сделает крутой поворот, пойдя по абсолютно новому пути и уже ничего нельзя будет изменить. Прикрывающие снайпера хаджи умрут мгновенно, даже не успев понять, что произошло, за это Стасер мог поручиться, все-таки в группе только профессионалы. Чуть позже умрет и засевший на позиции снайпер, и, вполне возможно, кто-то из «кроликов». Но даже если нет, даже если вдруг обойдется, все равно, все пережившие сегодняшнюю ночь люди уже никогда не будут прежними, никогда не станут вновь теми, кто, хлопая остающихся по плечу и гогоча над заезженными шутками, уходил перед закатом на ночное дежурство. Каждый бой необратимо меняет психику человека, все ближе и ближе подталкивая его к той страшной невидимой черте, за которой, оскалив белоснежные клыки, сте-

режет его разум безумие.

Решительно закусив губу и поймав в прицел притворявшегося кучей мусора боевика, Стасер судорожно сглотнув, выговорил в микрофон:

– Внимание всем! Приготовились к работе. Даю обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один... Пошли!

Автомат ласково и надежно ткнулся резиновым затыльником приклада в плечо, приглушенный ПББСом звук выстрелов прозвучал не громче, чем хлопает пробка, покидая бутылку шампанского. И тут же каким то шестым, или седьмым чувством Стасер понял, что промаха не будет, показалось даже, что услышал глухие удары разогнанных пороховыми газами кусочков металла в мягкую податливую человеческую плоть. Пристроившийся слева Чуча окатил его целым ворохом раскаленных гильз, его «калаш» оборудован ночным прицелом, так что ему стрелять еще проще, хотя на дистанции меньше сотни метров не промазал бы и полный чайник. Затвор противно залязгал над самым ухом. «Охренительно бесшумное оружие!» – мелькнула шальная мысль, поди на другом конце города слышно.

Боевик даже не вскрикнул, только несколько раз конвульсивно дернулся, да загремел металлом покотившийся по камням автомат. Барс и Негатив, две размытые от невероятной скорости движения фигуры уже преодолели половину дороги к дому. Несутся так, что любой чемпион-спринтер позавидует, еще бы, сейчас от скорости бега зависит их

жизнь, главное успеть заскочить в дом до того, как снайпер сообразит, что случилось с его прикрытием. С другой стороны дома доносится громкий стук покотившихся под чьей-то неосторожной ногой камней. Значит, вторая группа тоже справилась со своей задачей и теперь изо всех сил рвется к зданию.

– Ну я тоже пошел. Ты оставайся здесь и посматривай по сторонам. Только осторожно, чтобы этот скунс с крыши по тебе не пальнул.

– Будь спок, начальник! Все будет тип-топ, как у дедушки! Ты сам гляди там...

Провожаемый столь расплывчатым пожеланием Стасер выскочил из-за укрытия и изо всех сил, будто черти за ним гнались, кинулся к дому, пытаясь на ходу изображать что-то вроде бега зигзагами. На замусоренной, заваленной битыми кирпичами и обломанными ветками территории сквера это получалось из рук вон плохо, ладно хоть бежать было не далеко, десяток секунд и он уже нырнул в спасительный дверной проем. И вот тут же сразу и услышал этот звук, такой знакомый и такой страшный, тот самый, что несмотря на окружающую суету и толкотню, громом тревожного набата перекрыл все остальные – хлопок сработавшего запала. Еще только краем сознания, больше инстинктивно осознав, что случилось нечто ужасное, он как на моментальной фотографии, будто на сработавшем стоп-кадре ясно и четко увидел всю картину происходившего внутри дома.

Дранные остатки ковров и какие-то пыльные тряпки на полу, тут же деревянные обломки, невесть почему не растащенной соседями и бродягами мебели. Сбившиеся в кучу внизу бойцы, в надетых ночниках выглядящие на манер агрессивных инопланетян, ведущая наверх узкая лестница, и замерший на ней Негатив, (куда же тебя, сука, понесло, ведь предупреждал!). Потом картинка смазалась, пришла в движение, в уши ударила целая какофония звуков, мат в основном. Парни уже валились на пол, норовя упасть друг за друга, прикрываясь от готового хлынуть по сторонам смертельного веера визжащих осколков чужими телами. Почему-то в памяти намертво отпечатался приседающий в дальнем углу Барс, набычившийся, подставляющий вот-вот разразающемуся стальному ливню каску, заученно прикрывающий пах и центр корпуса автоматом. «На такой дистанции не поможет!» – успел подумать Стасер, спиной вперед выпадая из ставшей смертельной ловушкой комнаты и с наслаждением ощущая, как надежно прикрытое легким бронежилетом тело с размаху ударяется об камни и неясного происхождения мусор, в изобилии усеивающие подступы к «Горбатой». В голове бьется бессмысленно-восторженное: «Успел!». В этот момент и раздается взрыв. Слишком быстро для обычной гранаты, видимо местные Кулибины специально укоротили замедлитель, Стасеру уже приходилось встречаться с такими переоборудованными гранатами. Как правило, их использовали только для ловушек. А доработка заключалась в том,

что трубку замедлителя аккуратно надпиливали в пятнадцать миллиметрах от края и потом просто обламывали. Когда таким образом усовершенствованный запал вставляли в гранату, он обеспечивал ее подрыв примерно через две секунды вместо положенных четырех с половиной, не оставляя шансов укрыться сорвавшему растяжку или опрокинувшему под ноги гранату помещенную над приоткрытой дверью врагу.

Взрывная волна с ног до головы окатила его взвесью мелкой пыли, заставив судорожно чихать и спазматически прочищать забитое горло. Однако расслаживаться и приходить в себя некогда, там наверху готовится к своему последнему бою затаившийся снайпер и сколько жизней он заберет с собой в поля вечной охоты, сейчас напрямую зависит от скорости реакции нападающих, от их умения справиться с возникшими обстоятельствами, действовать смело и решительно, переламывая ситуацию в свою пользу. Вскочив на ноги, Стасер стремглав кинулся обратно в дом.

Влетев внутрь, он как раз успел отфиксировать спины нескольких бойцов исчезающих в ведущем на второй этаж проеме. Сверху уже доносились раскаты свирепой матерщины, топот тяжелых ботинок и какой-то истошно-тонкий визг, короче за снайпера можно было уже не беспокоиться. Отброшенное ударом взрывной волны вниз тело Негатива сломанной куклой лежало в углу. По неестественно вывернутой голове, явно свидетельствующей о переломе шейных позвонков и набухшей в нескольких местах темной венозной кро-

вью одежде, Стасер понял, что помощь здесь уже не требуется. Кровь из ран не текла, а лишь лениво сочилась, напитывая собой жадную серую пыль. «Значит, сердце однозначно уже не бьется, и кровоток внутри организма полностью остановлен», – тупо отметил про себя Стасер. Рядом с телом сидел на корточках и тихонько раскачивался, сжимая голову руками, боец из группы Хунты, звали его, кажется Миха.

– Ты как? – окликнул его Стасер.

Боец никак не прореагировал, продолжая медленно и плавно качаться из стороны в сторону.

– Эй, военный, я спрашиваю, ты живой? – в этот раз для убедительности вопрос подкреплялся легким пинком ботинка по карману разгрузки с торчащим из него магазином.

Миха вскинул на Стасера совершенно безумные глаза и неожиданно в полный голос проорал:

– Наверху этот пидор! Наверху! Негативу сразу п... пришел, это он на растяжку на лестнице напоролся! А меня глушануло, ни хрена не слышу! П... какой-то! Парни уже наверху! П... теперь пидору, полный п...!

Будто в подтверждение его слов по ведущим наверх ступенькам затопали тяжелые шаги и на лестнице показался Хунта без всякой деликатности волочащий кого-то вниз прямо за волосы. Остальные парни топтались сзади, норовя придать пленнику ускорения добрым пинком. Стасер с облегчением выдохнул и привычным движением указательного пальца вернул на место предохранитель автомата. На сего-

дняшнюю ночь война похоже закончилась.

– Bravo вызывает Базу, – Стасер старался говорить четко и размеренно почти по слогам.

– База на приеме, – тут же отозвались в наушниках.

– Нахожусь у «Горбатой». Снайпер взят. У меня один ноль двадцать первый. Высылайте транспорт.

– Отлично, парни. Ожидайте, транспорт будет через пятнадцать минут.

– Принял. До связи.

Подошедший Хунта грубо швырнул так и не сумевшего подняться на ноги снайпера на каменный пол и тут же от всей души врезал ему тупоносым десантным ботинком под ребра. Снайпер тоненько взвизгнул и завалился на бок. Стасер нагнулся над скорчившимся от боли худеньким телом, одетым в мешковато сидевший, явно с чужого плеча, камуфляж республиканского гвардейца и откинул в сторону густые пряди черных волос, закрывавшие лицо. Глубокие и черные, как два бездонных колодца глаза, смотрели куда-то мимо него, буквально выплескивая из расширенных зрачков тяжелую волну страха и боли, лопнувшая от удара верхняя губа сочилась ярко блестящей струйкой крови. Секунду Стасер внимательно вглядывался в эти искаженные смертельным ужасом и, тем не менее, правильные и мягкие черты, слишком правильные и мягкие для мужчины, даже для мальчишки. Какое-то время он осмысливал неожиданную догадку, потом, чтобы окончательно убедиться потянулся к груди, од-

ним движением, скорее досадливым, чем злым отбросив в сторону подбородок попытавшейся его укусить девчонки. Да сомнений быть не могло, едва сформировавшаяся, по-детски упругая, с кулачок размером грудь могла принадлежать только женщине, точнее девочке лет пятнадцати-шестнадцати, как теперь ясно видел Стасер.

– Блядь, вот блядь... – выдохнул он просто не находя слов. – Хунта, угод, ты кого мне приволок? Это что, снайпер?! Это же девка! Причем сыкуха малолетняя!

– Кто?! Вот это?! – видимо и так державшийся на пределе душевных сил, Хунта мгновенно впал в дикую ярость и, изловчившись вновь пнул лежащую на полу девчонку.

Попавший в бедро удар вызвал тихий стон, лицо жертвы перекосила болезненная гримаса.

– А ну прекрати истерику! – рявкнул Стасер отпихивая норовившего приложиться еще раз Хунту в сторону.

– Это у нее сейчас истерика будет, когда я ее живьем на куски резать начну! – всхлипнул Хунта. – Ты за кого впрягнешься, командир?! Тебе ее винтовку показать?! Эй, кто там! Где винтарь этой суки?!

Откуда-то сзади в руки Хунты сунули потертую эсвэдэху, и он тут же протянул ее Стасеру.

– На смотри! На приклад обрати внимание! Зарубки посчитай! А то давай у нее плечо проверим?!

Стасер быстро осмотрел протянутое оружие. Особо разглядывать там, правда, было нечего: стандартная советская

винтовка, 1973 года выпуска, ровесница, на прикладе действительно обнаружались аккуратные надпилы, с десяток примерно. Ствол пах лишь железом и свежей смазкой, значит, в ближайшее время из винтовки не стреляли, но это собственно ни о чем не говорило, понюхал ствол Стасер просто автоматически. Отстегнув магазин, он щелкнул затворной рамой, тускло блеснувший металлом патрон весело звякнул об каменный пол. «Современный, со стальным сердечником», – машинально отметил Стасер.

– Ну?! Убедился?! – все еще вздрагивая в нервном ознобе, прокричал Хунта. – Она это! Сто процентов она, командир!

Стасер лишь молча покачал головой. Приходилось признать очевидное, действительно страшным неуловимым снайпером столько времени терроризировавшим базу оказалась сопливая девчонка.

– Я этой суке в манду ствол запихаю и выстрелю! – в голосе Хунты звенели злые слезы.

– Уймись, – брезгливо отворачиваясь, процедил Стасер. – Заберем ее на базу, потом сдадим амерам, пусть разбираются.

– Да ты что, командир, какой заберем! Эта тварь убила Бормана, ты что забыл?! Да я ее голыми руками в клочья разорву! Ты просто Бормана толком не знал! Это же был такой парень! Он лучший был! Он меня от смерти спас! И его застрелила вот эта... – на секунду Хунта поперхнулся словами, подбирая наиболее соответствующее определение.

– Все, я сказал, прекрати истерить! – считая разговор законченным, Стасер отвернулся от подчиненного.

Пленная, скорчившись на полу и ощутимо дрожа всем телом, как загнанный зверек, напряженно вслушивалась в возникшую перепалку, видимо понимая, что эти страшные здоровенные мужики спорят сейчас о ее дальнейшей судьбе.

– Поживешь еще, хотя может и зря я это...

Закончить мысль не дал отразившийся в глазах девчонки, глядящей ему за спину поверх плеча, мгновенный испуг. Уже осознавая, что случилось непоправимое, что он зря вот так беспечно отвернулся от совершенно обезумевшего Хунты, Стасер попытался волчком крутнуться вокруг своей оси, явно запоздалым движением вскидывая ставший вдруг невероятно тяжелым автомат. Он еще успел поймать краем глаза горящий ненавистью взгляд Хунты и стремительное размазывающееся в воздухе движение его гибкого тренированного тела... А потом был звонкий удар приклада о каску вибрирующей басовой струной загудевший в ушах и багровая муть с ярко-алыми высверками мелких звездочек непроглядным туманом окутавшая голову. «Надо вставать. Иначе добьет. Надо вставать», – стучалась в виски назойливая мысль. Видимо сознание его все-таки на какую-то долю секунды покинуло, потому что когда он резко потрянул головой, разгоняя пляшущие перед лицом багровые сполохи, драться уже было не с кем. Хунта неестественно выгнувшийся в спине, вздернутый на носки и неистово хрипящий был накрепко

схвачен в замок приземистым крепышом по прозвищу Крот, автомат его валялся далеко в стороне, а до висящего на поясе ножа ему было не дотянуться.

– Пусти! – рычал, пытаясь вырваться из могучих объятий, Хунта. – Пусти, сука! Пристрелю!

– Ага, прям щас, разбежался, – совершенно спокойно гудел в ответ Крот. – Да не рыпайся ты, придурок, только себе же больнее сделаешь.

Наконец, поняв всю бесплодность попыток сопротивления, Хунта обмяк, и Крот осторожно отпустив его руки, мягко подтолкнул нарушителя порядка в сторону дверного проема.

– Пацаны, уведите кто-нибудь этого убийцу на воздух, пусть мальчика охладится.

– Молодец, Крот, за спасение командира в неравном бою, объявляю тебе строгую благодарность, – с трудом борясь с подкатывающей к горлу тошнотой, выдавил Стасер.

– Служу Советскому Союзу, – совершенно серьезно пробасил в ответ Крот и тут же по-крестьянски размеренно и деловито продолжил: – А то ишь, чего удумал лишенец, просто так девку замочить! Тут парни уже по два-три месяца баб не видали, того гляди друг дружке к жопам пристраиваться начнут. А как девка сама в руки пришла, так давай ее мочить... Дурак, прости Господи, одно слово...

Стасер даже рот открыл от удивления, на какой-то миг ему показалось, что он ослышался. А Крот уже деловито

притиснулся к инстинктивно подавшейся от него в сторону девчонке и широкими, как лопаты, красными мозолистыми ручищами принялся переворачивать ее на живот.

– Эй, ты чего? В самом деле ее хочешь... – Стасер замялся, пытаясь подобрать правильное слово. – Вот здесь?

С его точки зрения обстановка действительно мягко говоря не располагала: грязный заплесанный пол, лежащий буквально в трех метрах у противоположной стены изуродованный труп Негатива и, самое главное, плавающий в воздухе тяжелый сладковатый запах, такой, как от свежего парного мяса, кружащий голову и сводящий рвотными спазмами желудок запах крови. Да и девчонка никак не тянула на чудное видение: избитая, перепуганная, чумазая замухрышка, остро пахнущая едким потом и вся какая-то нескладная, угловатая... Впрочем не говоря уже о каких-то там элементарных моральных нормах, даже просто причин для какого-либо полового возбуждения Стасер не видел, и был скорее удивлен, чем возмущен действиями Крота.

– А то... – деловито стягивая с девки штаны, пробасил Крот. – Ей все равно уже не жить. Так чего же добру зазря пропадать? Так и ей, какое ни то удовольствие напоследок выйдет, и нам польза...

Стасер беспомощно оглянулся на остальных, ища в их глазах отвращение и осуждение происходящего, опираясь на которое можно было бы остановить готовящуюся вот-вот произойти здесь мерзость. Но увидел лишь тупое равноду-

шие, а кое у кого и возбужденно-нетерпеливое ожидание.

Тем временем Крот уже стянул девчонкины штаны до колен, обнажив худые неожиданно бледные ягодицы, и что-то там между ними нащупывал заскорузлыми пальцами, выбирая, как бы удобнее пристроиться. Пленная не сопротивлялась и не кричала, лишь время от времени вздрагивала всем телом, да закрыла глаза маленькими ладошками. Стасеру бросились в глаза неровно обгрызенные ногти на длинных правильной формы пальцах. Преодолевая накатившую слабость, стараясь сконцентрироваться, несмотря на отчаянно кружащуюся голову, он начал медленно подниматься на ноги. Смотреть на то, что здесь будет дальше он не собирался, раз нет сил предотвратить, можно хотя бы уйти и сделать вид, что ничего этого не было...

Где-то за спиной утробно заухал, ритмично шурша и поскрипывая снаряжением Крот, девчонка сдавленно вскрикнула, пару раз и потом лишь всхлипывала, давясь слезами, в такт движению.

– Она зубы сжала, рот открывать не хочет! – жалобно сообщил кто-то.

– Да ты ножом ей челюсти разожми, придурок! Куда?! Нож не убирай, чтобы она пасть захлопнуть не могла, а то еще откусит... Во, правильно, вот так! Всему вас, молодых, учить надо!

К размеренному уханью Крота добавилось еще какое-то хлопанье и чмоканье, затем протяжный горловой стон и

звуки больше всего напоминающие быстрое сворачивание и разворачивание целлофанового пакета.

– А, сука! Ты что же это делаешь?! В сторону, в сторону травы! Вот, падла, все штаны мне уделала!

– Ну ты урод! Ты чего хотел ей до желудка через рот запихнуть?! Маньяк, блин! Вот ищи теперь, чем ей морду от этой параша вытереть!

В воздухе поплыл кислый запах рвотных масс. Стараясь не дышать носом, и мучительно сглатывая слюну, Стасер вывалился на улицу. Прямо у стены, прислонившись к ней спиной и спрятав голову в коленях, плакал Хунта. Равнодушно глянув на него и, чувствуя, как подгибаются при каждом шаге непослушные и неловкие, как ватные, ноги, Стасер протопал дальше, туда, где лежал буквально разорванный его пулями хаджи. Мельком посмотрел на жутко оскаленные в предсмертной муке зубы, пнул в сторону жалобно задрезжавший по камням автомат, машинально отметив, что, судя по характерному цвету металла и грубой штамповке, это китайская подделка родного «Калашникова», и лишь потом осознал, что он здесь не один. Рядом с телом на проржавевшем металлическом ящике сидел Чуча и, меланхолично протирая бархатной тряпочкой прицел, с едва заметной лукавой усмешкой во взгляде глядел на Стасера.

– Что, командир, сбежал? Не понравилось, как братва развлекается? Или тебе право первой ночи не предложили?

И тут Стасер не выдержал, тело, будто перерубило в по-

ясе, согнув в мощном рвотном позыве. Он хрипел и булькал, извергая из себя и обед, и ужин, а когда остатки пищи наконец закончились, то жестокие спазмы принялись выдавливать из него просто желчь. Наконец извержение прекратилось и желудок еще пару раз подкатив в холостую к гортани окончательно успокоился и вернулся на свое место. Стасер облегченно вздохнув, распрямился, сплюнул забившую рот горькую жижу и брезгливо оттер рукавом губы.

– Не наш ты человек, командир... Не из нашей колоды... Уж не знаю, что тебя сюда занесло, только плохо все это кончится и для нас и для тебя... – задумчиво произнес Чуча.

На протяжении всего процесса он даже бровью не повел, как сидел, так и сидел, будто ничего и не происходило. И говорил теперь ровно и спокойно, будто продолжая давно обсуждаемую тему.

– Что ты имеешь в виду? – все еще напряженно отдуваясь и стараясь дышать как можно глубже, поинтересовался Стасер. – Что значит не наш человек?

– А то и значит, – охотно пояснил Чуча. – Здесь ведь кто собрался? Аутсайдеры по жизни, тупые неудачники, больше ни на что не способные... Восемь классов, ПТУ, дешевый рэкет или гоп-стоп, тюрьма и потом сюда. Или так: восемь классов, ПТУ, какой-нибудь спецназ, война, дембель, безработица и потом сюда. Короче, здоровые, тупые дебилы, ценность которых в этом мире определяется лишь умением стрелять и способностью подставлять свой лоб под чужие

пули. Люди простые и незамысловатые, не отягощенные ни моральными принципами, ни лишней интеллигентностью. А вот тебя, командир, мы что-то плохо понимаем... В тебе ведь за версту «тилигент» виден, поди и образование высшее, как минимум, имеется, и место хлебное на гражданке тебе вполне по силам было бы найти. Так что не понятно, что ты в этом говне среди нас сиволапых забыл... Слышал песенку: «У тебя же мама педагог, у тебя же папа пианист, какой ты на хрен танкист?!»

Стасер с все возрастающим удивлением выслушивавший эту речь совсем собрался было заметить Чуче, что, судя по ней, сам он на «восемь классов и какой-нибудь спецназ» ну никак не тянет, но тут, истошно взвизгнув тормозами на повороте, в улочку мгновенно заполнив собой ее всю влетел хаммер дежурной смены, а следом за ним показался микроавтобус. Из хаммера даже не дождавшись полной остановки, лихо выпрыгнул сам капитан Рунге – командир охраны нефтебазы, а также царь, бог и воинский начальник для всех «диких кроликов» на ней.

Стасер поспешно направился навстречу прибывшему начальству, выразительно мотнув головой Чуче. Тот, мгновенно сообразив, метнулся к «Горбатой», чтобы предупредить остальных, что на сегодня веселье закончено. Сложно было даже приблизительно представить себе реакцию сухого и педантичного немца на безобразную сцену изнасилования, свидетелем которой он вполне мог сейчас оказаться. Слож-

но в том смысле, что хотя бы поверхностным пониманием и умением предсказывать действия капитана Рунге на базе не мог похвастаться практически никто, так что с равной вероятностью он мог, как присоединиться к развлекающимся гардам, так и пострелять их на месте, или предать в руки военной полиции. Рисковать и проверять в любом случае не хотелось.

Четко вскинув руку в приветствии, Стасер отрапортовал: – Капитан, группа Bravo поставленную задачу выполнила. Снайпер захвачен в плен. Группа прикрытия в количестве двух человек уничтожена. Потери – один человек. Подорвался на растяжке.

Сухощавый и прямой как палка Рунге слушал доклад с застывшим, непроницаемым выражением лица, лишь при последних словах Стасера, процедил углом рта свое неизменное: «Scheisse». За гибель сотрудника охраны Компания вполне могла спросить и с него, оправдываясь потом перед этими штатскими штафирками абсолютно не представляющими себе, что войны без потерь не бывает, зато отлично умеющими считать суммы, затраченные на страховые выплаты. Бывший офицер «Штази» Эрих Рунге ненавидел подобные разговоры, он терпеть не мог, как щеголевато одетых в дорогие костюмы представителей нанявшей его Компании, так и то, с его точки зрения, быдло, набранное в основном в дикой и традиционно разболтанной и необязательной России, которым ему приходилось здесь командовать. «Что же

они хотят, эти чертовы капиталисты? Если из экономии нанять вместо нормальных ветеранов цивилизованных армий, этих дикарей, то и с потерями и низкой эффективностью надо мириться. А они считают, что старина Рунге за жалкие пятнадцать тысяч евро в месяц должен сделать тут для них чудо – сотворить из дерьма пулю! Это же сброд! Подумать только, большая часть из них не говорит не то что по-немецки, даже по-английски! Ну и как прикажете ими командовать?! На старости лет учить русский?» – частенько жаловался на свою несчастную судьбу капитан. Но ворчал и выказывал неудовольствие он только наедине с собой, при подчиненных Эрих Рунге превращался в бесстрастного, лишённого всяких эмоций робота, наделенного дьявольским терпением и железной, несокрушимой волей. За это его не любили, но откровенно побаивались.

– Хорошо, лейтенант. Ваши действия были единственно верными в данной ситуации. Но, не могу не отметить, что в конечном итоге гибель одного из бойцов группы во многом произошла по Вашему недосмотру. А конкретно из-за отсутствия личного контроля при входе в здание. Я подумаю над тем, стоит ли Вас наказывать, но в любом случае будьте готовы к вычету из денежного вознаграждения. А сейчас соберите людей, доставьте сюда пленного и тело. Нам не стоит задерживаться.

Четко козырнув и безукоризненно выполнив поворот кругом, Стасер лихо щелкнул каблуками, что в боевой обстановке.

новке вполне можно было расценить как пожелание капитану отправиться по вполне определенному адресу. Гарды уже топтались перед домом, поправляя оружие и снаряжение и с интересом прислушиваясь к долетавшим до них обрывкам разговора старших. Те, кто более-менее понимал английский язык, переводили остальным. Потому настроение Стасера группа уловила четко, и едва он повернулся, чтобы уходить, неодобрительно заворчала, исподлобья косясь на Рунге. «Гитлер капут!» – выкрикнул кто-то из задних рядов. Рунге впрочем, как и обычно сделал вид, что ничего не заметил.

– Ну и какого хрена этому Хайгитлеру от нас надо? – озвучил общий вопрос Крот, когда Стасер подошел к бойцам вплотную.

«Хайль Гитлер» – неформальное прозвище, данное контрактниками капитану, прижилось удивительно быстро, произносилось, уже не задумываясь и окончательно потеряв первоначальный издевательский смысл, отчего получалось нечто слитно-скомканное: «Хайгитлер», или что-то близкое по звучанию.

– Поблагодарил за грамотное проведение операции и обещал выставить на круг бочку водки, когда вернемся на базу.

– Да ладно, хватило бы и половины дозы, – пропищал под общий гогот Ариэль.

Стасер с едва скрываемым отвращением посмотрел на его заляпанные засохшей блевотиной брюки и, коротко сплю-

нув, продолжал:

– Чуча, отведешь девку в автобус. Ариэль и Крот, Негатива туда же. Барс, Спец и Мойша собрать оружие и документы, если есть.

– Хунта!

Прятавший глаза в самом конце строя контрактник, вздрогнул, будто от удара кнута и виновато и вместе с тем искательно взглянул на Стасера.

– Виноват, командир, бес попутал...

– Виноватых бьют! – жестко отрезал Стасер. – Ладно, на базе разберемся, а пока помоги ребятам тащить Негатива.

– Есть! Уже бегу! – с радостным облегчением крикнул Хунта, действительно с похвальной резвостью срываясь с места.

Повод для радости у него и правда был серьезный, слова «на базе разберемся» означали, что Стасер ничего не докладывал о его проступке Хайгитлеру, решив наказать своей властью. А соответственно речь шла о денежном штрафе, или каком-нибудь неофициальном наказании по понятиям, тогда как факт неповиновения и хуже того нападения на старшего, мог повлечь за собой гораздо более неприятные последствия, вплоть до увольнения без выходного пособия и штрафа в размере всех заработанных здесь потом и кровью денег.

Собрались довольно таки резво, не прошло и пяти минут. Последней к автобусу подошла в сопровождении Чучи плен-

ная девчонка. Стасер лишь мельком глянул в ее сторону и тут же поспешил отвернуться. Уж больно ясно истерзанный вид снайперши говорил о том, что только что произошло в заброшенном доме. Шла она, с трудом переставляя подламывающиеся при каждом шаге ноги, безвольно свесив набок голову, роскошные черные волосы теперь свисали неопрятными мокрыми сосульками, левая половина лица превратилась в один багровый кровоподтек. Стасер с тревогой посмотрел на Хайгитлера, тут, как говорится, только слепой бы не догадался, что случилось с девкой. Но Рунге лишь процедил свое любимое: «Scheisse!», и отвернулся. Удивления по поводу того, что снайпер оказался существом женского рода капитан не выказал, возможно, и вправду отвык удивляться. «Ведь он уже давно здесь, – подумал Стасер. – А на такой войне, когда против тебя воюет народ, быстро привыкаешь к тому, что можно получить пулю даже от младенца из колыбели».

– А сам ты? – тут же услужливо спросил кто-то сидящий глубоко внутри. – Тоже уже привык к роли палача и карателя?

– А я здесь не воюю, – вскинулся было Стасер. – Я здесь деньги зарабатываю, за конкретное дело. За охрану нефтебазы. И все! Понятно?! Я просто сторожем работаю!

– Ага, – неприятно засмеялись в ответ. – Хороши сторожа! Малолетку чуть насмерть не затрахали. Спасибо немец вовремя приехал. А в России ты бы за это срок получил и

не малый.

– Я этого не делал! Это не я! – мысленно выкрикнул Стасер.

Ответом был лишь тихий издевательский смех. «Кажется, я схожу с ума...» Стасер помотал головой, пытаясь вытрясти из ушей отзвуки этого несуществующего смеха, и ловко запрыгнул на подножку нетерпеливо урчащего мотором автобуса, двери с шипением закрылись за ним и маленькая колонна, уверенно шурша литыми пуленепробиваемыми шинами, безжалостно давя усиленными протекторами вездесущую пустынную пыль, двинулась в обратный путь к нефтебазе.

Казанский Кадетский Корпус

Засек их Стасер слишком поздно – сыграла злую шутку воскресная послеобеденная расслабленность, да и пышная молодая зелень училищного парка, мягко говоря, не способствовала дальнейшему обнаружению противника. Поэтому вывернувшая с неприметной боковой стежки парочка второкурсников успела заметить его раньше. Видимо возвращались из самохода в город, в той стороне откуда они появились как раз находится специально подготовленный перелаз через забор. Стасер и сам не раз им пользовался, чтобы выскочить на полчасика в город за сигаретами или дополнительными калориями так необходимыми растущему организму. Вот и эти, похоже, тоже из города. Этакие франты – ушитые фуражки топорщатся специально выгнутыми тульями на манер гитлеровских офицеров, ботинки горят черным огнем, наглаженная форма как влитая сидит на подтянутых легких фигурах, на груди у каждого целая россыпь значков, свидетельствующих о недюжинных спортивных успехах, сразу видно – старший курс, краса и гордость... Встреча теперь уже была неминуема, свернуть можно только прямо в густые заросли кустарника, окаймлявшие узкую натоптанную тропу, однако, сделать так значило сразу же расписаться в собственной трусости и беспомощности. После такого если даже не кинуться в погоню, самому будет так стыдно и против-

но на душе, что хоть застрелись. У человека в любой ситуации всегда есть очень простой выбор – умереть стоя, или позорно бежать. Убегать не хотелось, нет уж, пойдём с высоко поднятой головой на сближение, что уж теперь, убить не убьют, а глядишь и обойдется, вдруг торопятся и не захотят время тратить.

Не обошлось. В принципе и сразу было понятно: по быстрому обмену взглядами, еще в самом начале, когда его только увидели, по тому, как неуловимо изменилась, напряжинившись и приобретя опасную целеустремленность их походка, по запрыгавшим в глазах веселым и злым искрам, короче ясно все было сразу, по одному внешнему виду – просто так мимо не пройдут.

– Эй, шмот, а ты чего это без присмотра по парку шляешься? В самоволку собрался, или как?

Шмот – на местном языке, это любой первокурсник. Не важно отличник ты, или двоечник, сильный физически, или слабый. Если ты первокурсник, значит, ты шмот и номер твой девятый, не взирая на любые достоинства и недостатки. Будь ты хоть гений военной мысли, хоть вундеркинд, все равно ты человек второго сорта, если вообще человек...

Вопрос был задан нарочито ленивым и небрежным тоном со скучающей интонацией, однако обмануть она здесь никого не могла. Стасер весь сжался, приготовившись к драке, все уже было предрешено, чтобы он сейчас не ответил, итог окажется один, и он сам, и оба старшекурсника это прекрас-

но знают, просто добросовестно разыгрывают стандартную прелюдию к предстоящему избиению. Чувствуя, как в животе начинает ворочаться неприятный холодный ком, а колено правой ноги мерзко подрагивает, хорошо хоть брючина достаточно широкая – со стороны незаметно, он, тем не менее, упрямо вскинул голову:

– А что случилось? Новый приказ по училищу? В парковую зону ходить запрещено? Извините, не знал, а вы то сами тогда что здесь делаете? Зеленый патруль?

Невысокий, на голову ниже Стасера второкурсник, стоявший напротив него саркастически хмыкнул и кивнул своему спутнику – чернявому здоровяку:

– Смотри, Боб, оно еще и разговаривает... Перед нами невиданное чудо природы – говорящий шмот. Ты когда-нибудь такое встречал?

Боб что-то одобрительное, но не слишком членораздельное пробурчал в ответ, что именно Стасер толком не понял, все это время он с тоской рассматривал значок боксера-перворазрядника на груди мелкого. Плохо, совсем плохо... Вообще набор спортивных заслуг оппонентов весьма впечатлял: тут было и стандартное многоборье, и первая степень ВСК, куда же без нее родимой, и подвески «Воин-спортсмен», а у здоровяка еще и значок кандидата в мастера спорта и голову можно отдать на отсечение, кандидатствовал Боб отнюдь не в шахматах. Конечно, безоговорочно верить в заслуженность этих регалий не стоило, многие

носили подобные «ордена» что называется понта для, но... Лозунг «Москва – умные, Казань – сильные!» впервые услышанный еще при сдаче вступительных экзаменов, за проведенное здесь время нашел столько подтверждений, что ничего невозможного в сочетании значков, украшавших второкурсников не было, особенно если вспомнить коронную фразу преподавателя физической подготовки: «Те из вас, соплежув, что доживут до весны, получают разряд по многоборью, остальные умрут! Причем я даже не буду их добивать, мешки сдохнут сами!» Он, конечно, оказался прав, мудрый преподаватель, провожавший уже седьмой выпуск – сейчас была середина мая, и грудь Стасера украшал единственный скромненький значок третьеразрядника по многоборью. Честно заслуженный потом, а порой и кровью, какой факт немало удивлял его самого, никогда раньше серьезно не занимавшегося спортом домашнего книжного мальчика из интеллигентной семьи, пришедшего в училище, для того чтобы стать другим человеком.

Порой он думал, что это у него получилось... Сейчас его даже звали по-другому: жесткое, отдающее металлическим свистом Стасер – производное от имени и отчества Станислав Сергеевич, совсем не вяжущееся с мягким домашним Стаськой. Он сам придумал себе это новое имя, и сам же тщательно разработал для себя новую биографию, вообще изобрел себя нового. Каким-то удачным наитием, или просто обостренным чутьем он сообразил, что поступление в на-

ходящееся в другом городе училище, где тебя никто не знает, и раньше не встречал, дает уникальный шанс стать для новых товарищей не тем, кто ты есть, а тем, кем быть бы хотел... Они будут судить о тебе по тому, что увидят и по твоим собственным рассказам. Они не знают твоего прошлого, не в курсе заслуг и промахов, все былые подвиги и наоборот, поступки, за которые до сих пор стыдно, будто старая змеиная кожа сейчас слезли с тебя и остались сморщенным пустым мешком валяться в стороне, они не будут влиять на мнение о тебе. Если ты был последним трусом, но здесь возьмешь себя в руки и решишь быть смелым, окружающие поверят, что ты смельчак. Если ты был пай-мальчик, но здесь расскажешь о себе пару вычитанных в книгах историй и будешь вести себя как король шпаны, все поверят в то, что ты настоящий шпан. В общем, полный простор для фантазии, без разницы кем ты был, здесь ты можешь быть кем хочешь, лишь будь готов соответствовать до мельчайших деталей избранной роли, зритель у тебя очень взыскательный...

– Ты посмотри, и ремень у него опущен, так что бляха того гляди, яйца отрубит! Опаньки, а это что? Смотри, Боб, у него на ремне тренчик... Сынок, а что только один?! Ты бы уже сразу два нацепил, как господа кадеты!

Стасер нервно сглотнул, по здешним неписанным законам тренчик – серьезная предъява, «Тренчик или у шмота в кармане, или у кадета на ремне» и никак иначе. Показатель статуса как-никак, своеобразный знак отличия. По идее

здесь остановившие его были совершенно правы, почти весь первый курс старательно прятал свои тренчики по карманам, одевая их лишь на строевые смотры и дожидаясь выпуска старшекурсников. Однако некоторые «особо борзые» взвода продолжали нагло носить «неположенную» деталь туалета, взвод Стасера в том числе. Теперь выручить могли только нахрапистость и наглость. Бывали случаи, когда с уверенными в себе и готовыми дать отпор первокурсниками связываться не желали, ограничиваясь словесными угрозами, то есть удавалось «съехать на базаре», как это звалось на местном сленге.

– А ты сам то кто такой, что спрашиваешь, товарищ суворовец? Хочешь что-то предъявить, вначале сам обзовись, как принято. Я весь второй курс в лицо знать не обязан.

Мелкий аж дернулся, будто от пощечины, и даже до сих пор флегматично считавший ворон здоровяк укоризненно покачал головой. «Товарищ суворовец», если кто понимает, серьезное оскорбление. Так обычно называли тех второкурсников, взвода которых по каким-либо причинам в свое время не были переведены в кадетские. Такое бывало часто, и Стасер точно знал, что их второй курс в этом плане вовсе не является исключением, как минимум треть взводов старшего курса официально не имели кадетского статуса, и, следовательно, их личный состав никоим образом не имел права учить жизни первокурсника. Хотя эти-то явно к «товарищам суворовцам» не относятся – уж больно уверенно подрулили.

– Ты, шмот, хайло свое прикрой и следи за речью! – мелкий боксер буквально прошипел эти слова, уже характерно развернувшись вперед левым боком и опустив к плечу подбородок.

– А ты мне рот не затыкай! Я за свои слова всегда ответить готов! – выдохнул ему в лицо Стасер, чувствуя, как что-то внутри оборвалось, стеклянно зазвенев и защемившись под ложечкой и понимая, что вот сейчас его ударят.

Самого удара он не заметил, хотя и ждал. Привыкшее за последний год к подобным ситуациям тело среагировало без его участия, резко отшатнувшись корпусом назад. Не самая лучшая реакция, на занятиях по рукопашке всегда учили уходить от удара вперед и в сторону, но хоть что-то, на сознательном уровне он вообще ничего не успел. Так что спасибо рефлексам, мысленно он еще раз порадовался за себя – раз проявились такие навыки, значит, он кое-чего достиг на пути своего перевоплощения, у маменькиного сынка Стаськи подобных инстинктивных действий сроду не наблюдалось, разве что инстинктивное впадение в ступор при любой серьезной угрозе. Однако впечатавшийся под ложечку носок ботинка здоровяка быстро вернул его мысли из дебрей психоанализа к более насущным и практичным проблемам. Натужно всхрипнув Стасер вяло отмахнулся правой при этом сбив фуражку ловко нырнувшего под удар мелкого.

– Ах ты, урод! – взвыл тот, в ярости забыв все боксерские уловки и по-крестьянски от плеча размахиваясь.

«А вот это ты зря, братишка...» – неожиданно холодно и четко подумал Стасер, лишь смутно вспоминая, показанное инструктором по рукопашному бою капитаном Карцевым, движение. Дальше тело казалось, зажило своей собственной жизнью – легкий пружинистый шаг навстречу и чуть вбок, нырок под нелепый размашистый удар и четкая насадка противника на резко, как из пушки выброшенное вперед колено. Дальше по логике следовал добивающий удар локтем между лопаток, вот только его провести Стасеру не дали. Жесткий кулак с громким костяным стуком ударил в затылок, в мозгу будто взорвалась мгновенно вспухшая багровым пламенем сверхновая, а обмякшие ставшие вдруг будто ватными колени наотрез отказались и дальше поддерживать расслабленное безвольное тело.

В себя он пришел оттого, что здоровяк довольно деликатно хлопал его по щекам. Боксер, покрасневший и всклокоченный, стоял в стороне, пытаясь засунуть назад в фуражку, выскочившую во время потасовки пружину.

– Ну, земля, давай очухивайся, хорош тут валяться, – добродушно гудел здоровяк.

Стасер, мотнув головой, увернулся от очередного хлопка и, рывком приподнявшись, принял сидячее положение, голова была тяжелая и тупая, слегка подташнивало и двоилось в глазах, а так вполне терпимо.

– Ну вот и ладушки, живой значит. А то мы уж испугались. Я не рассчитал слегка, сильно слишком тебя ударил. А ты

молодец, от души Гошке врезал.

– Так уж и врезал, – задиристо вступил боксер. – Просто я на фуру упавшую отвлекся, он меня и подловил, а так бы разукрасил я его как бог черепаху.

– Можем повторить, – едва разлепляя непослушные губы, выдавил Стасер.

– Сиди уж, герой! – махнул рукой Гошка. – Нечего повторять, все ништяк, ты себя правильно показал! Борзовато немного, но это нормально. Взвод какой?

– Пять-два...

– Хорошо, мы второй роте передадим. Как сам то? Башка в порядке?

– Да вроде нормально.

– Значит, разучился, – грустно вздохнул здоровяк. – Раньше бывало, как хлопну кого разок, так сотрясение мозга. У тебя, пацан, наверное, череп крепкий...

– Или мозга нет, трястись нечему, – снова встрял Гошка. – Но вообще Боб правду говорит, у него удар смертельный, быка наповал. Так что ты внимательно подумай, может тебе к доктору надо?

– Да нет, парни, на самом деле все ништяк...

– Может до расположения проводить?

– Да нет, спасибо. Я лучше здесь посижу, покурю, воздухом подышу.

– Ну, как знаешь, бывай тогда...

Они уже отошли на десяток шагов, когда Стасер вспомнил

одну важную деталь, он так и не удосужился узнать, откуда были сами второкурсники, пришлось их окликнуть. Общаться с ними снова не хотелось, но это было необходимо.

– Эй, парни, погодьте секунду.

– Ну, чего тебе? – оба резко, как по команде, развернулись.

– Забыл спросить, сами то вы откуда?

– Да уж не товарищи суворовцы! – язвительно улыбнулся мелкий.

– Три-три, – прогудел здоровяк.

Стасер аж рот открыл от удивления, три-три – третий взвод третьей роты, легендарный взвод – «господа кадеты», высшая ступень в неписанной иерархии, таких взводов на старшем курсе было всего два, и рекомендация кого-то из них дорогого стоила. Прямо скажем, удар по голове не был за нее слишком высокой ценой, даже если он обернется всамоделишным сотрясением мозга. Несколько секунд господа кадеты наслаждались произведенным эффектом, с видимым удовольствием наблюдая за ошарашенным Стасером, потом Гошка весело ему подмигнул, а Боб добродушно махнул рукой, и парочка скрылась за поворотом тропинки.

Стасер же вздохнув, и с трудом подавляя глупое желание придержать кружащуюся голову руками, двинулся в противоположную сторону. Пройдя каких-нибудь пятьдесят метров, он вышел к обрывистому склону холма, на котором стояло училище. Отсюда открывался удивительной красоты вид

на неспешно текущую внизу речку Казанку, узкие пляжики и клинья березовых рощиц по ее берегам. Это было его любимое место, он часто приходил сюда, чтобы побыть в одиночестве, не спеша, обстоятельно покурить, не опасаясь бдительных офицеров-воспитателей, просто подумать о чем-то своем. В этом дальнем заброшенном уголке парка удивительно хорошо думалось. Здесь он впервые начал ценить одиночество. Казалось бы наоборот, люди животные общественные, стремятся к тому, чтобы их постоянно окружали другие люди, даже заключенных в одиночные камеры сажают в виде наказания. Одиночество – тяжкая пытка, от одиночества сходят с ума. Однако, проводя в казарме месяц за месяцем, оставаясь постоянно на виду днем и ночью, будучи все время со своим взводом, Стасер понял, что в малых дозах одиночество необходимо. Оно вовсе не было страшным или скучным, надо сказать, что ему вообще редко бывало скучно с самим собой, так повелось еще с раннего детства, когда общество дворовых друзей ему с успехом заменяла богатая домашняя библиотека. Он даже улыбнулся, представив, как удивились бы его сокурсники, узнав об этом, а если бы они знали, что большинство ярких страниц своей «биографии» поведенных им за сигаретой после отбоя, Стасер почерпнул как раз из прочитанных книг, пожалуй, одним удивлением бы не обошлось.

«Да, батенька, – думал он, с наслаждением втягивая горький дым мятой родопины. – Внешне вы, конечно, поменя-

лись радикально. Вот с внутренним миром посложнее...» Действительно, здесь и крылась главная загвоздка. Он великолепно научился подстраиваться под любовно вылепленный для себя образ крутого парня. Научился изо дня в день, не снимая носить эту маску и действовать в соответствии с ней. Однако был в этом мире один человек, которого ему никогда не удавалось обмануть напускной крутизной, и этот человек был он сам. Стасер кашлянул, подавившись не в то горло проглоченным дымом, курил он недавно и редко, все же курение в училище было под строгим запретом, поэтому практики было маловато. Он усмехнулся, вспомнив, как началась его курительная эпопея.

Еще на абитуре, когда они жили в натянутых на стадионные палатках и усердно пытели над учебниками, готовясь к вступительным экзаменам, заваливший впоследствии физику и так и не поступивший в училище сосед по палатке, сбежав самовольно в город, вернулся с красивой вкусно пахнущей табаком зеленой пачкой «Герцеговины Флор». На сроду не курившего Стасера пачка почему-то произвела грандиозное впечатление, то ли оттого, что курение было категорически запрещено, а запретный плод, как известно, сладок, то ли он посчитал сигареты очередной вехой на пути обретения своей новой личности. Короче когда после отбоя, хозяин сигарет и еще двое, примкнувших к нему курильщиков вкусно задымили прямо в палатке, Стасер очертя голову притиснулся к их кружку и, попросив себе сигарету, храбро, как

бывалый, затянулся. Он готовился к судорожному кашлю и уже придумал реплику, мол, крепок табачок, но к его удивлению ничего подобного не случилось. Табак мягко пощипывал горло, оставляя во рту непривычный горьковатый привкус. На всякий случай Стасер все же старался особо дым не глотать, так как из книги о приключениях Тома Сойера помнил, что с непривычки никотин может вызвать тошноту и прочие неприятные эффекты. Тем не менее, в этот раз практика опровергла книжную теорию, и ему удалось вполне достойно докурить сигарету без каких-либо эксцессов. С этого момента он решил всерьез овладеть этим «престижным» искусством и начал упорно тренироваться. Однако в условиях училища в день удавалось выкуривать две-три сигареты, не больше, так как требовалась строжайшая конспирация. Пойманный даже просто с табачным запахом, вполне мог рассчитывать на тройку внеочередных нарядов с периодичностью через сутки.

Прикурив от дотлевающей сигареты новую, Стасер заметил, что его руки мелко подрагивают, видимо сказалось нервное напряжение только что происшедшей стычки, с ним всегда так бывало. В момент самой экстремальной ситуации он бывал непробиваемо спокоен, а вот после накатывал отходняк и поделать с этим ничего было нельзя, еще с полчаса точно будет трясти, так что лучше пересидеть это время здесь, благо искать никто не должен, а в расположение вернуться уже в полном порядке, таким героем, в оди-

ночку схватившимся с двумя второкурсниками. Само собой Стасер прекрасно понимал, что схваткой произошедший инцидент, можно было назвать лишь с большой натяжкой, так обычная проверка на вшивость, какие здесь случаются сплошь и рядом. Таковы уж неписанные законы Казанского Кадетского Корпуса, или попросту трех К. Стасер даже подозревал, что эти подпольные традиции во многом поощряются командованием, по крайней мере, начальник училища, настоящий генерал с рубленными тяжелыми чертами лица, из обуви признававший лишь начищенные до блеска хромовые сапоги и даже на шестом десятке выглядевший грозно и внушительно, как-то заявил с трибуны, что он свою задачу видит в переделке гражданских сопляков в настоящих мужчин, а второй курс должен ему оказывать в этом помощь и поддержку. Вот они и оказывают.

«В самом деле, если бы не было этой системы неписанных традиций и правил, ее следовало бы создать, – лениво размышлял Стасер. – Уж чего-чего, а в настоящих мужчин с ее помощью тут превращают быстро и эффективно, правда, те, кто не выдерживают подобной переделки, весь этот отработанный шлак, а обычные нормы отсева до четверти состава, уходят на гражданку с тяжелыми психическими травмами и, вполне возможно, непоправимо искалеченными судьбами. Но тут уж каждому свое. Зато остальные почти на сто процентов идеальные бойцы». Начиналось все обычно с простого на первый взгляд и естественного правила: твой взвод

– твоя семья. Вроде бы все хорошо и ясно, как у мушкетеров – один за всех, и все за одного. Прекрасный девиз, пока не доходит до дела. Простой пример – растяжка взвода на марш-броске 25 метров. То есть когда первый добегают до финиша, последний должен быть в 25 метрах от него и не дальше. А если во взводе завелся «мешок» который не может бежать в общем темпе? Бросить его нельзя – незачет и повторный забег после короткого отдыха, и никому не объяснишь, что «мешок» один, а остальные вполне нормально справляются с нормативом, перебегают будут все. Взвод должен прибыть к месту выполнения задачи в полном составе. И то время, которое необходимо на преодоление дистанции последнему военнослужащему взвода и есть взводное время, и никак иначе. И вот на дистанции ты забираешь у «мешка» автомат, «замок» навешивает на себя его вещмешок, а еще двое тянут под руки его самого, периодически пиная, чтобы не отставал. Тяжело? А что сделаешь? Помните: не только один за всех, но и все за одного...

Это в официальном мире, а есть еще теневой, кадетский. Здесь тот же закон, но с другими последствиями. Кадетские взвода старшего курса внимательно присматриваются к младшим, периодически устраивая проверки на вшивость, вроде той, на которую только что угодил Стасер. Пусть он сопли, упади на колени, запроси пощады, и его взвод сразу потерял бы десяток очков в том незримом счете, что ведется старшим курсом, по итогам которого кадеты решат какие

из младших взводов достойны принять их кадетскую эстафету, а каким так и ходить в товарищах суворовцах до самого выпуска. Любой кадетский взвод может передать кадетство хоть всем взводам младшего курса, но обычно кандидат находится лишь один, а то и ни одного уж больно тяжело пройти весь год первого курса взводу без серьезных косяков. Кто-то дал слабинку – взводу минус балл, кто-то показал себя стукачом – еще минус балл, завелась во взводе крыса, кто-то ворующий у своих, не вычислили, не наказали – о кадетстве даже не мечтайте. И никого не волнует, что паршивая овца во взводе лишь одна, а остальные нормальные парни, ваши проблемы, сделайте так, чтобы он ушел, потом будем решать вопрос с остальными. И делают, затравливают провинившегося до такой степени, что он пишет рапорт на отчисление. Ну да про подростковую жестокость целые тома написаны, ни к чему повторяться. Одно только сказать стоит, скорее уж не жестокость это, а просто максимализм, нежелание видеть полутона. Все только белое или черное, как кадетская форма, других цветов нет. Это потом с возрастом поймут кадеты, что на самом деле этих красок в жизни в чистом виде не встретить, лишь оттенки серого вокруг. А пока лишь два полюса: плюс, или минус, добро, или зло, свой, чужой... Отсюда и жестокость, как не жаль последнюю рубашку для своего, так любое насилие применимо к чужому. Черно-белый мир он прост и яростен, компромиссов не допускает. Так что первый курс сплошное испытание, ни на шаг от по-

нятий: не предай, не подведи, не обещай если не уверен, не укради, не пожалей для своего, не трусь... И не просто живи так, чтобы не нарушить принятых запретов и правил, а еще и второй курс постоянные подянки, да мутиловки подкидывает, реакцию проверяет. Теоретически ротой младшего курса должна параллельная рота старшего заниматься: шестой ротой – третья, пятой – вторая, четвертой – первая. Это разделение вытекает из того, что так эти роты на этажах живут напротив друг дружки, только в разных крыльях здания, общим коридором соединенные. Но на практике любой кадет может первокурснику очередную проверочку устроить, просто потом ответственную роту о результатах оповестит. А уж «господа кадеты», как в случае со Стасером было, и вовсе в своем праве. Тем сам бог велел любого первокурсника испытывать независимо от принадлежности к роте. Господами кадетами называют взвод, которому кадетство передать независимо друг от друга решили сразу два или больше взводов старшего курса. Бывает такое крайне редко, но все же иногда случается. И слово господ кадетов при подведении итогов на тему, достоин тот или иной взвод кадетства, очень много значит.

Вот такими традициями и кует Корпус год за годом спянные взвода настоящих мужчин, в рядах которых нет места трусам, стукачам, ворам, жадинам. Эти пороки возведены здесь в ранг недопустимых и в этом качестве искореняются беспощадно. Здесь безраздельно правят идеалы чести, муж-

ской дружбы и взаимовыручки, причем отнюдь не только на словах как в большинстве случаев бывает у взрослых. Кадет действительно способен отдать товарищу из своего взвода последнюю сигарету, поделиться на марше невероятным усилием воли сбереженным глотком воды, или честно разделить на всех сэкономленную банку тушенки. При этом он не будет считать свой поступок чем-то выдающимся или требующим благодарности, он даже не задумается над этим, поступить по-другому просто не придет ему в голову, потому что взвод здесь твоя семья, и даже больше, чем семья в обычном понимании. Ведь даже товарищ Сталин в свое время считал, что сын за отца не отвечает, здесь же каждый в ответе за всех и все за каждого.

* * *

Обтянутые тонкой черной паутиной колготок бедра маняще притягивали взгляд, мягкие нежные линии казались настолько совершенными, что оставляли на кончиках пальцев некий мираж осязания, напряженные подушечки будто бы ощущали их упругую мягкость, рождая где-то в глубине груди невыносимо сладкое томление, непреодолимое едва сдерживаемое желание крепко прижать эти высоко обнаженные совершенной формы ноги к себе. Жадно тискать теплые ляжки, покрывая их поцелуями. Зарыться лицом прямо в их основание туда, где надежно укрытое от нескромных

взоров непроницаемой для глаз тенью от подола черной кожаной юбки, скрывается самое потаенное женское естество, прикрытое нежными складками кожи, поросшими жесткими курчавыми волосами. Интересно, бреется ли она там? Вот она закинула левую ногу на правую, вызываяще оставив прямо ему в лицо, белеющее сквозь тугой нейлон, такое круглое, такое соблазнительное колено. Чуть задравшийся подол юбки едва-едва лишь слабым намеком приоткрыл нечто воздушно-кружевное, до невозможности изящное, заставив сердце подскочить куда-то к самому горлу, и бешено забухать кровью в виски в этом не характерном для него положении.

– Cadet Mironov!

Резкий, с четко выраженной командной интонацией, пусть и женский голос, подкрепленный, на всякий случай, дружеским тычком под ребра от соседа по парте мгновенно развеивает очарование от созерцания плавных изгибов женского тела.

– I am! – бравое рывканье в ответ и вытянутая в струну строевая стойка с нарочито тупым немигающим взглядом направленным точно в переносицу сидящей за учительским столом «англичанке».

Какое-то время преподаватель тянет время, с интересом разглядывая замершего без движения суворовца.

– You look very shaken, – наконец произносит она уже своим обычным отдающим легкой бархатной хрипотцой голо-

сом.

Стасер думает, что она курит, хотя никто никогда не видел ее за этим занятием, что впрочем, неудивительно – курение на территории училища категорически запрещено и это правило касается всех, не только суворовцев. Но вот эта милая, чуть грассирующая грудная хриплость голоса, наверняка появилась от ароматного табачного дыма невероятно дорогих дамских сигарет. Он даже ясно представил себе на какую-то мучительно долгую секунду, как она в чем-то воздушном и полупрозрачном лежит, удобно раскинувшись посреди убранной алым шелком постели, и тянется пухлыми хищно-карминовыми губами к изящно витому длинному мундштуку с тлеющей сигаретой. От этой ярко и правдоподобно нарисованной подсознанием картины мысли едва вновь не приняли совсем нежелательного направления, и лишь недюжинным усилием воли удалось их обуздать и вновь вернуть на грешную землю к всюю идущему уроку английского языка и собственно преподавателю Кисляковой Елене Михайловне..., Лене..., Леночке..., Ленусику..., стройной следящей за своей внешностью женщине лет примерно тридцати, красивой яркой броской красотой по типу роковой брюнетки Кармен. Благодаря пробуждающейся как раз в этот период первой настоящей сексуальности, вынужденному затворничеству с чрезвычайно редкими выходами в город, практически полной изоляции от сверстниц противоположного пола абсолютное большинство суворовцев было

безоглядно влюблено в Елену Михайловну и ей это наверняка было отлично известно.

– Ну, так что, Миронов, что же вы молчите, как рыба об лед? – Елена Михайловна весьма удачно передразнила любимое выражение их ротного, и взвод тут же вознаградила ее шутку дружным хохотом.

– Вы ведь не задали никакого вопроса, вот я и молчу, – еле выдавил из себя Стасер, мучительно краснея.

– Действительно, – она тонко улыбнулась, лукаво ему подмигнув, а в ее серых, совсем не типичных для брюнетки глазах заплясали, он готов был в этом поклясться, веселые бесенята. – Сейчас я исправлюсь. На прошлом уроке мы разбирали с вами допрос военнопленного. Вот и проверим, как вы усвоили пройденный материал. Итак, я военнопленная, вы командир разведывательно-диверсионной группы и обязаны меня допросить. Одета я в полевой камуфляж, а на рукаве ношу вот такую эмблему. Кстати, какой части она принадлежит?

Ребус сложностью не отличался, и Стасер лишь мельком глянул на предъявленный для опознания круг с вписанными в него стилизованными буквами «АА».

– Судя по этой эмблеме, Вы военная 82 воздушно-десантная дивизия армии США. Другое название дивизии – «All American», «все американцы» возникло благодаря тому, что на момент ее формирования во времена Второй Мировой в ней служили представители всех американских

штатов, что было довольно редким явлением.

– Правильно. Ну что ж, начинайте допрос.

Стасер глубоко вздохнул, собирая в кучу упорно разбегающиеся мысли и откашлявшись, приступил к первой стандартной фразе:

– What is you name, rang and position?

– Меня зовут Мэри Джейн, я капитан медицинской службы, начальник медицинского пункта второго батальона третьего парашютного полка, – пулеметной скороговоркой выдала Леночка.

– Какова численность вашего батальона и где он в настоящее время расположен?

Стасер ничуть не напрягался, языки всегда давались ему легко, а учить английский в суворовском училище и подавно было гораздо веселее и интереснее, чем в школе, ведь здешние уроки включали в себя в основном освоение специфических военных терминов, а заодно уж структуры и типовой тактики подразделений вооруженных сил государств – вероятных противников. В скором времени их обещали слегка натаскать по основным ключевым фразам в немецком – Федеративная Республика Германия, наряду с США занимала почетное место наиболее вероятного врага, и обойти ее язык вниманием было бы несправедливо. Годом раньше в училище изучали еще и основы дари, но к настоящему времени уже стало совершенно ясно, что перспектива успеть исполнить интернациональный долг в Афганистане для нынешних

суворовцев насквозь нереальна в связи с полным и окончательным выводом войск. Так что язык строптивых афганцев был выведен из программы обучения, а освободившиеся часы пустили на дополнительные занятия по физической и огневой подготовке.

– Я не знаю ни численности своего батальона, ни точного места его расположения в настоящее время, – отвечала меж тем Леночка, по ее виду можно было со стопроцентной уверенностью заключить, что сам факт возможности поговорить на английском языке, пусть даже на такую тему как допрос, доставляет ей немалое удовольствие. Она подчеркнуто имитировала вульгарно акцентированный американский говор, и, как подозревал, Стасер, даже пыталась подражать особенностям произношения свойственным какому-то конкретному штату. Ему самому до подобного высшего пилотажа было понятно далеко, спасибо мог хоть поддерживать связный диалог.

– Хорошо. Назовите имя и звание командира Вашего батальона.

– Извините, я не помню ни того, ни другого.

– Я думаю, Вы говорите неправду. Вы должны честно отвечать на мои вопросы.

– Ничего подобного, согласно кодексу поведения, военнослужащий армии США при сдаче в плен может назвать лишь имя, звание, свою часть и личный номер.

– В таком случае я вынужден буду применить к Вам ме-

тоды ускоренного допроса в полевых условиях.

– Но это запрещено конвенцией по обращению с военнопленными и международными правилами ведения войны.

– К сожалению, если Вы добровольно не выдадите интересующую меня информацию, мне придется их нарушить.

– И Вы будете пытаться женщину? – Леночка глянула на него из-под полуопущенных ресниц с искренним интересом. – Действительно станете пытаться, слабую, беззащитную женщину?

Стасер на секунду задумался, вопрос не относился к теме урока, но действительно представлялся важным. На самом деле, вдруг возникнет такая ситуация, что ты будешь делать?

– Да, стану, – произнес он тихо, но твердо. – Это не доставит мне удовольствия, но ради получения разведанных я это сделаю.

Ответом ему был лишь долгий оценивающий взгляд, внимательных серых глаз и неопределенное покачивание головой, было это одобрением или осуждением он так и не понял. Внести в позицию учительницы по этому поводу окончательную ясность помешал не вовремя прозвеневший звонок.

Однако и между собой ребята к согласию не пришли, уж больно неоднозначной оказалась затронутая тема, потому вечером на самоподготовке возник настоящий спор.

– Нельзя опускаться до уровня убийц и насильников! Нельзя уподобляться нелюдям! Лозунг «цель оправдыва-

ет средства» давно осужден всем прогрессивным человечеством, – кипятился высокий тонкокостный парнишка из Самары, по прозвищу Профессор.

– Но ведь эта информация, которую ты из чистоплюйства и нежелания пачкать руки не добыл, может стоить жизни твоим товарищам, – возражал ему командир второго отделения Рустик Хайдуллин.

– И ты реально сможешь это сделать? – прищурился Профессор.

– Ну, я не знаю...

– Вот то-то, нормальный человек все равно этого сделать не сможет!

– Не сможет, говоришь, Петровский? – тихий голос командира взвода неслышно зашедшего в класс и совершенно незамеченного увлеченными шумным спором ребятами, заставил Профессора подпрыгнуть от неожиданности.

– Взвод! Встать! Смирно! – заорал в голос опомнившийся заместитель командира взвода Санька Красовский.

– Вольно, вольно, – успокаивающе махнул рукой офицер. – Так что, Петровский?

Профессор слегка покраснел, но все же твердо и убежденно повторил:

– Нормальный человек, ни при каких обстоятельствах не сможет пытаться женщину.

– Ну, давай вместе представим такую ситуацию: вот ты Петровский, командир группы спецназа, ну, допустим в Аф-

ганистане. У тебя задача перехватить связника бандитов, который должен передать кому-то из полевых командиров, информацию о том, в каком именно месте будет организована засада на колонну наливняков, сопровождаемую ротой под командованием твоего лучшего друга суворовца Гладышева. Предположим, этот полевой командир должен подойти со своими людьми туда на усиление...

Переждав смешки и хихиканье, вызванное тем, что ребята пытались представить лопоухого вихрастого Женьку Гладышева в роли такого серьезного и уважаемого человека, как командир роты, взводный продолжал:

– Ты успешно реализовал разведданные агентуры и перехватил связника. В найденной при связнике записке представлено время нападения, оно должно произойти через три часа. Колонна наливняков уже в дороге и если ты не узнаешь точного места засады, то она в нее попадет и твой друг, Профессор, скорее всего погибнет. Вдумайся в то, что я говорю. Они просто убьют его, если ты, именно ты, не узнаешь от связника точного места засады. Уже нет времени сваливать грязную работу на КГБешников или ХАД. Все! Успеть можешь только ты! И вот твой выбор: жизнь бандитского связника, или жизнь твоего однокашника и друга. Что ты выберешь, Андрей?

Профессор, набычившись молчал.

– Так что ты выберешь?! – голос офицера приобрел вдруг опасную стальную остроту. – Ты станешь пытаться связника,

чтобы спасти жизнь своему другу?!

– Да..., – еле слышно даже во внезапно наступившей полной тишине выдыхает Профессор.

– А если связник – женщина? Как тогда?! Тоже сделаешь это?!

Профессор, низко опустив голову и по-детски обиженно шмыгая носом, отворачивается, стараясь не встретиться глазами с жестким холодным взглядом командира.

– Сделаешь! – уверенно подводит итог офицер-воспитатель. – Сделаешь! И еще не такое! В сто раз худшее сделаешь! И не только ради друга. За любого своего, любого чужого зубами в клочья порвешь. Как пес бешенный вцепишься. На войну попадете – поймете, хотя не дай Бог вам!

Командир их взвода – уже не молодой майор, по прозвищу Конго-Мюллер, в прошлом был военным советником в Мозамбике, где получил пулевое ранение, враз переведшее его в состав ограниченно годного по здоровью. После чего собственно он и оказался офицером-воспитателем в суворовском училище. Несмотря на постоянные расспросы, он ни словом не обмолвился о своих приключениях на Африканском континенте, про перелет туда под видом инженера-строителя, пожалуйста, про целый день, проведенный в Париже при пересадке с самолета на самолет хоть несколько часов подряд, а вот об Африке ничего, сколько бы ни просили. Видно много повидал мужик такого, о чем вспоминать не хотелось.

– Ну, суворовцы, кто из вас готов применить пытки при допросе пленного? Любого, неважно мужчина это, женщина или ребенок.

Сперва неуверенно поднимается одна рука, за ней вторая, третья потом уж не успеть сосчитать... Последним, все так же пряча глаза, вытягивает руку вверх Профессор.

– Молодцы, вы все правильно поняли, – мягко по-отечески говорит офицер. – Запомните лишь одно: думать, что можете и реально сделать, это две большие разницы, как говорят в Одессе. И слава Богу, что это так. Ну а теперь, хватит обсуждать всякие ужасы и марш за учебники!

* * *

Марш-бросок... Хриплое дыхание, рвущее напряженное опухшее горло, густая тягучая слюна, которую никакими силами не протолкнуть ни вперед, ни назад, мерно качающаяся, плывущая в багровом мареве впереди чужая спина. Вселенная сложилась, схлопнулась сузившись в материальную точку, в точку ставшую этой качающейся впереди спиной, больше ничего вокруг нет, все остальное нереальное навязание, есть лишь вот эта постоянно убегающая вперед спина. Все остальное: жизнь на гражданке, учеба в нормальной школе, поступление в училище, папа и мама, дом, родной город – просто счастливый и мимолетный предрассветный бред, на самом деле всего этого не существует, это лишь сон,

красивая и глупая мечта. А в реальности есть только бесконечные километры сухой пропыленной тропы прихотливо выщепящаяся по кромке хвойного леса, тянущие разбитые плечи, гнущие тело к земле, ремни снаряжения, немилосердно трущий позвоночник между лопатками автомат и малая пешотная лопатка, окончательно сползшая на задницу и так и норовящая врезаться на бегу деревянным черенком прямо по яйцам. И так было всегда, и так всегда будет: только дробный топот тяжелых юфтевых сапог, злобный шипящий мат замкомвзвода подгоняющий где-то сзади отстающего «мешка», да нудный речитатив, он же регулятор выдохов-вдохов, откуда-то сбоку: «Хорошо живет на свете Винни-Пух..., хорошо живет на свете Винни-Пух..., хорошо живет на свете Винни-Пух...». И так постоянно, до бесконечности, как заезженная пластинка, уже минут двадцать. Очень хочется развернуться и заехать прикладом в челюсть поклоннику стихотворного творчества плюшевого медведя, но сил на такое сложное действие давно уже нет, не говоря уж о том, что кажется совершенно невозможным выбиться хотя бы на мгновение из задаваемого бухающими сапогами ритма. «Хорошо живет на свете Винни-Пух...». Действительно, наверное, неплохо живется этой медвежьей харе, нажрался медку до отвала и никаких тебе марш-бросков, атак укрепленных рубежей и переползаний по-пластунски «до во-он того дуба». Сюда бы эту плюшевую задницу, с удовольствием посмотрел бы как он тут свои пыхтелки посочинял бы.

Кто-то тяжело бьется в левое плечо, так, удачно по-хоккейному бортуя, что не ожидавший подобного Стасер чуть не валится с ног. Зато эта неожиданность мгновенно выводит его из-под действия общего гипнотизирующего ритма и позволяет оглянуться вокруг, оценивая обстановку. Оказывается он бежит где-то в середине все еще держащего какое-то подобие строя взвода. Впереди виднеется облако пыли с мелькающими в нем грязно-зелеными фигурками, это стартовавший на пять минут раньше первый взвод. Пять минут на марш-броске это километровый разрыв, более чем достаточная дистанция между взводами, где-то километром сзади, хрипло матерясь, пыхтит, харкает кровью и слизью третий взвод, а за ним и четвертый. Стасер вспоминает, что сегодня четверг, а значит утренний марш-бросок десятикилометровый с контрольным временем пятьдесят восемь минут на «отлично». «Беременной каракатице по тонкому льду и то меньше времени надо!», по выражению их ротного. Вот, кстати, и он сам, легок на помине. Подтянутый крепкий подполковник в фирменном спортивном костюме ехал вдоль линии растянувшихся в беге взводов на велосипеде.

– А ну подтянись, орлики! Хватит таблом мух ловить, пора прибавить, скоро финиш! Давай, давай!

– Иди ты на х..., орлик! – вполне различимо хрипит кто-то из глубины строя.

Против ожидания, ротный не обижается, скорее даже наоборот, лицо его расплывается в довольной улыбке:

– Ага, отвечаете! Значит, живы еще и не устали! Давай наддали, парни, еще одно усилие!

Сосед слева вновь ощутимо наваливается на Стасера.

– Да ты чего, военный, охренел совсем, – булькает саднящим натруженным горлом Стасер, разворачиваясь к теряющему равновесие товарищу.

Слева бежит Профессор и судя по внешнему виду дела его совсем плохи. Мертвенно бледное лицо, покрытое крупными каплями пота, и совершенно дикий чумной взгляд загнанной лошади, заплетающиеся ноги мотылят лишь по инерции движущееся тело из стороны в сторону, руки безвольно опущены вниз в правой зажата лопатка. Все сразу становится понятным. Считающий себя слишком умным и склонный к различным рационализациям Профессор, решил, что носить лопатку на поясе, где она все время бьет по ногам, а то и промеж них, глупо и вполне нормально будет тащить ее в руке. Но хоть вес «любимого» инструмента пехоты и невелик его вполне хватило, на дистанции в десятков километров масса любого предмета, из тех, что ты прешь на себе имеет тенденцию по мере прохождения времени вырастать десятикратно. Так что уже на полдороги Профессор окончательно отмотал себе обе руки, и они повисли безвольными плетями. О том, чтобы бросить ненавистную лопатку, конечно, не могло быть и речи. Мало того, что, заметив утерю предмета экипировки, ротный мог заставить весь взвод перебегать дистанцию, так еще выброшенную лопату запро-

сто можно было потерять навсегда, вдоль тропы тянулись полевые лагеря танкистов, «партизан» и вэвэшников, так что желающих тиснуть бесхозный инструмент было хоть отбавляй. А утеря закрепленного имущества вела уже к серьезным неприятностям со старшиной, к тому моменту даже самые оптимистичные из кадетов накрепко усвоили нехитрую истину: «В армии нет слова украли, есть только слово проебал!», так что лопатку приходилось нести до конца, что называется без вариантов. Однако сил в оттянутых дурацким инструментом руках для этого подвига оставалось все меньше.

– Товарищ подполковник, – чуть не со слезами в голосе взмолился Профессор, все пытаясь оттолкнуть в сторону непонятливого Стасера. – Заберите у меня ее, я больше не могу!

Стасер инстинктивно схватился за черенок протянутой к нему лопатки, думая передать ее ротному. Что тот захочет помочь выдохшемуся кадету, у него и на секунду не возникло сомнений.

– Вот, Петровский, скажи товарищу спасибо, и помни, что значит взаимовыручка! – не совсем верно понял безотчетный порыв Стасера ротный и нажав на педали начал нагонять пыливший впереди первый взвод.

Стасер беспомощно поглядел ему вслед, затем перевел взгляд на облегченно вздохнувшего Профессора. На его чумазом запыленном лице с влажно блестящими дорожками от

ручейков пота была написана такая глубокая благодарность, такое счастье и избавление от мук, что у Стасера просто духу не хватило вернуть ему злосчастную лопатку. «Хрен бы с ней, как-нибудь потерплю», – решил он, стискивая зубы и чувствуя, как правая рука уже начинает наливаться свинцовой тяжестью и не успевает двигаться в одном ритме с левой.

Наконец впереди еще очень далеко на горизонте, там, где вековые сосны своими густыми зелеными кронами сливаются по обе стороны тропы, начинает маячить приметное высушенное дерево. Оно растет как раз напротив палаточного лагеря, почти у вожденной линии финиша. И если залитые едким потом, покрасневшие вздувшимися от натуги жилками глаза различили на фоне темной зелени корявый сухой силуэт, значит до него не больше полутора километров. А это уже ерунда, это считай уже финишная прямая, и взвод неосознанно начинает ускоряться, захлебывается мокротой, задыхается перегруженными забитыми пылью легкими, но упрямо увеличивает темп, лишь бы скорее закончилась эта выматывающая до последней капли физических и душевных сил гонка. И вот, наконец, финиш. Хрипя и подвывая от напряжения, первые ряды проскакивают заветную линию, по инерции пробегают еще несколько шагов и без сил валятся прямо в дорожную пыль, в редкие пучки изумрудной травы, на мягкую подушку прошлогодней хвои. Задние с разгона врезаются в бежавших первыми и тоже, будто подрубленные оседают на такую теплую, мягкую, как пуховая перина,

непреодолимо уютную землю.

– А ну не умирать! Подъем, черти! Не валяться здесь на финише! Быстро расползлись с дороги, мешки! – нарочито сурово орет Конго-Мюллер.

Однако в голосе его явственно слышны довольные нотки, взвод показал хорошее время и офицер-воспитатель этому рад.

* * *

Ночь веет пьянящими, одуряющими, кружащими голову весенними запахами из открытого настежь окна. Весело подмигивают с чернильной кляксы небосвода яркие звезды-звезды. Тихо шелестят, путаясь в легком невесомом ветерке, молодые только что выбравшиеся из почек листья майских берез под окном. Тянутся в напрасной попытке зацепиться за широкий подоконник древесные руки-плети. Звонким скрежетом и лязгом перекликаются на городских улицах припозднившиеся трамваи. Летят к звездному небу серые лохмы ароматного табачного дыма. Шлепают по кафелю умывальника ноги в стандартных армейских тапочках из грубого дерматина. Тянутся неторопливые обстоятельные послеотбойные разговоры. Вымотанная за день жестким распорядком рота, мирно всхрапывая и сонно бормоча что-то неразборчивое, ворочаясь с боку на бок и скрипя ослабшими пружинами коек, спит в расположении, тяжело вздыхая и

причмокивая, будто единое многорукое и многоногое живое существо. Тускло светятся лампочки дежурного освещения.

В умывальнике собрались курильщики. Они терпеливо дождались, пока не убыл домой дежурный офицер-воспитатель, и теперь беспрепятственно могут предаться беспощадно искореняемому здесь пороку. Безопасно покурить можно лишь ночью, когда жизнь в училище замирает, и из всех офицеров остаются лишь дежурный да его помощник, по-сменно бдящие в отделенной стеклянной перегородкой комнате на первом этаже главного корпуса. Летит в распахнутое окно дым, перевиваясь сложными петлями, складываясь и расходясь чудесным прихотливым рисунком, танцует в лунном свете, растворяясь и распадаясь в ночи. Лица кадетов серьезны и мечтательны и будто бы призрачно изменчивы в неверном свете обманщицы луны, кажется, что по ним пробегают легкими ночными тенями вся будущая жизнь.

– Так куда тебя все-таки распределяют? – тихо, стараясь не разбить, не повредить волшебное очарование ночи спрашивает, глубоко затягиваясь, высокий и крепкий дагестанец Володя Мамбеталиев со смешным прозвищем – Мамба.

– Как и хотел, в общевоинское на разведфак, – отзывается Стасер.

– Так генерал на мандатной собирался тебя в танковое отправить, в Чирчик?

– Собирался, – нехотя соглашается Стасер. – Пришлось к нему на прием идти, уговаривать... Еле уболтал. Уперся,

старый хрыч. «Я его сам заканчивал! Благодарить еще меня будешь!»

– Ну молодец, что на своем настоял! – дружески хлопает его по плечу Мамба. – В танкисты идут либо по незнанию, либо по глупости!

Рядом тихонько вздыхает Мишка Кривенко, по прозвищу Бендер. Хитрющий хохол, откуда-то из-под Львова, он за время обучения умудрился своими выходками так насолить командиру роты, что тот весьма оригинально отомстил, записав на мандатной комиссии Бендера в тыловое училище. Никакие уговоры и даже слезы на ротного не подействовали, и теперь Мишке придется учиться не в заветном десантном училище, а в Вольском тыловом. Зато Мамба счастлив на все сто – его мечта осуществилась, распределен в Рязанское воздушно-десантное на факультет спецназа, единственное место на роту он получил в честной борьбе, где учитывались как физические данные, так и успехи в учебе.

Летит к небу дым, смешиваясь со сладким весенним ароматом, с ночными звуками большого города, живущего своей жизнью за училищной оградой. Кружит коротко стриженные головы ощущение уже близкой свободы и послевыпускной неизвестности и кажется, что все трудное в жизни уже позади, а дальше будет сплошной праздник, чем-то похожий на удачные советские фильмы об армии и одновременно на красочные импортные боевики. И, конечно, в этом будущем все они будут сильными и смелыми героями, легко и весело

сражающимися за правое дело. Плывет в воздухе запах цветущих вишен, терпкий запах весны девяносто первого года, последней весны великой империи... Неумело затягиваются сигаретами мальчишки, которым предстоит стать ее последними солдатами...

Год назад отшумела, чудом не сорвавшись в пропасть войны, борьба за автономию Татарстана, исчезли с домов зеленые флаги исламистов и лозунги типа: «Русские уходите домой!», «Русские – в Рязань, татары – в Казань!», и губы почти без запинки выговаривают Татарстан вместо привычной Татарики... Но уже пылают дома в Карабахе, звучат выстрелы в Фергане и Оше... Кадеты пока не знают, насколько все это серьезно, они пропускают мимо ушей тревожные сообщения выпусков новостей... Все эти события где-то там, далеко... Далеко и ненадолго... Скоро все наладится... В нашей самой лучшей стране с самой лучшей и самой мощной армией просто не может быть иначе...

Летит к небу дым... Сейчас они вместе и им хорошо и уютно в компании друзей, где каждый понимает другого с полуслова, полужеста, полувзгляда... Где все общее, одно на всех: радость и горе, посылка из дома и нежданно свалившаяся на взвод внеплановая уборка закрепленной территории, увольнение и учебный марш-бросок... Они искренне верят, что так будет всегда, всю бесконечно долгую жизнь... Они не знают, что случится с ними дальше, а если бы им кто-то рассказал, то они не поверили бы ни одному его слову, мо-

жет это и к лучшему...

Летит к небу дым... Пристально следит за тающими в вышине завитками Мишка Бендер, жутко завидующий своим более удачливым однокурсникам, заранее ненавидящий всем сердцем город Вольск и тамошнее училище тыла, не зная, что проучиться в нем ему придется лишь год. Сейсмические волны беловежских соглашений разорвавшие, разломавшие по живому когда-то единую страну на пятнадцать кровоточащих обломков, кинут его домой на родную Украину, затем в мутной воде послеразвальной неустроенности мелькнут полк сичевых стрельцов, какая-то добровольческая дружина и, наконец, экспедиционный отряд УПА в мятежной Чечне. И будет он так же внимательно провожать взглядом горький сигаретный дым, летящий к небу на стоянке под Гудермесом.

Летит к небу дым... И Мамба судорожно закашливается, неумелые легкие втянули горький щиплящий глоток не в то горло, на глазах выступают слезы и он, смахивая их рукавом неожиданно утыкается взглядом в смешно раздвоенную макушку Бендера. Никогда раньше он не замечал, как она забавно выглядит, эта покрытая жесткими курчавыми волосами макушка. Он вспомнит об этом, увидев точно такую же в прицел своего «Винтореза». Но после почти двенадцатичасового лежания в превратившейся в болото пашне, закоченевший и злой Мамба даже не подумает, что сидящий у костра спиной к нему боевик может оказаться тем самым

Мишкой Бендером, с которым он два года спал на соседних койках.

Летит к небу дым... И Стасер с трудом глотает уже лишнюю, невкусную затяжку, не зная, что вот так же давясь будет непрерывно курить, едкую курскую Приму, отплевываясь вонючей горько-кислой слюной, чуть ли не кулаком проталкивая дым в измученные перхающие кашлем легкие, чтобы забить, уничтожить другой запах. Тяжелый дух крови и быстро разлагающихся на жаре мертвых тел беспорядочной грудой наваленных внутри осажденного трети сутки боевиками блок-поста на окраине гремящего беспорядочной стрельбой Грозного. Не зная, как будет выть в бессильной ярости, матеря генералов, политиков и президентов, и все равно стрелять, стрелять, стрелять, до последнего выполняя бессмысленный приказ...

Летит к небу дым...

База

Поимка снайпера на какое-то время сделала Стасера и всю группу участников героями и знаменитостями. Рунге от щедрот распорядился на три дня освободить их от дежурств и усталые до предела измотанные парни, наконец получили возможность по-человечески выспаться. Все первые сутки они провели, не покидая коек своей импровизированной казармы. Жили гарды в небольшом металлическом ангаре хоть и оборудованном кондиционерами, но, тем не менее, за день нагревавшемся до такой степени, что до самого утра температура внутри вполне походила на парную в финской сауне, а с утра беспощадное солнце начинало свою работу по новой. Обычные двухъярусные койки с панцирной сеткой, но-стальгически памятные по временам службы в Советской, а кому и в Российской армиях, укрытые тем не менее сморевшимися на них совершенно инородными телами штатовскими армейскими ковриками из полиуретана и застеленные импортными же спальниками. Кое у кого были и стаченные невесть откуда тумбочки для хранения личных вещей и туалетных принадлежностей, но таких счастливцев оказалось немного, большинство довольствовались подвешенными на кроватные спинки рюкзаками. Сидели обычно все на тех же койках, или на раскладных походных стульчиках с брезентовыми сидушками. Отделенный ширмой пустынного каму-

фляжного цвета офицерский кубрик по интерьеру ничуть не отличался от общего помещения, разве что четыре койки командиров групп обитавших в нем стояли в один ярус.

Стасер, блаженно развалившись на своем спальнике, мечтательно изучал металлический потолок ангара. Где-то над головой на последнем издыхании от неравной борьбы с жарой подвывал кондиционер, гоня вниз поток чуть менее горячего воздуха, чем снаружи. Электричеством база питалась от двух довольно мощных ДЭСок, и на обеспечение комфорта, а особенно работу кондиционеров его не жалели, благо соляры вокруг было вдоволь. На соседней койке в тон надрывающемуся кондишену подвывал, неумело терзая гитару, Змей. Получалось у него из рук вон плохо, и с горем пополам закончивший в детстве музыкальную школу Стасер время от времени вздрагивал от наиболее фальшивых пассажей. Вздрагивал, то вздрагивал, но в слух никакой критики не высказывал. Уж очень болезненно воспринимал командир Альфы любые, даже самые завуалированные намеки на полное отсутствие у него музыкальных талантов. Впрочем, вероломство наступившего ему в детстве на уши медведя, Змей с лихвой компенсировал энтузиазмом и эмоциональностью исполнения. Вот и сейчас его наголо выскобленный опасной бритвой череп аж покраснел от натуги, а квадратное не обезображенное признаками разумной жизни лицо горело небывалым одухотворением.

Стасер невольно прислушался, что за боевой напев в этот

раз настолько взволновал бравого рэббита, и от удивления даже присвистнул.

В час, когда запутается Солнце
В пелене рассветного тумана,
Мы пойдем путями македонцев
По дорогам древнего Ирана.

И увидят крепости и башни,
И гробницы древних Сасанидов
Наш напор безудержный и страшный —
Мечь за фалангистов Леонида!

– Эй, бамбук! – дружелюбно обратился он к Змею. – Ты, недоученное дитя чукотских чумов, откуда такую исторически насыщенную песню раскопал?

– Блин, вот вечно ты не вовремя влезешь! Только получаться начало! А чукчи, между прочим, у нас в Тюмени не живут! И вообще это от Чукотки далеко, чтоб ты знал... А песню, мне один из моих парней записал, слышал где-то дома...

– А-а, – понимающе протянул Стасер. – Значит, кто-то из парней, тогда ладно, а то я уже начал беспокоиться за твое душевное здоровье...

– За свое беспокойся! Душевной болезнью заболеть может только тот, у кого душа эта самая есть. Хотя тебе тоже

не грозит, для того чтобы сойти с ума его надо для начала иметь...

Надо сказать, что, несмотря на общую свою простоту и даже примитивность, Змей имел весьма оригинальное философское представление об устройстве мира. Он был ярким материалистом, правда не на сознательном уровне, а скорее на бытовом. Выражая свою позицию четкими и понятными фразами-лозунгами типа: «Когда сдохнем, черви сожрут и не спросят, где чего чужого хапнул и кого как кинул!», или «Жить хорошо надо сейчас, дальше уже ни хера не будет!» А когда с ним с целью элементарно подразнить заводи́ли разговоры о душе и ее попадании после смерти в ад, где черти в обязательку потянут на сковородку даже не смазанную рафинированным подсолнечным маслом, Змей вполне натурально злился и постоянно рассказывал, как, будучи в разведдозоре в пригороде Грозного, случайно нос к носу столкнулся с до зубов вооруженным «чехом», которому, не растерявшись и вскрыл вполне успешно пузо ножиком. Никакой души покидающей брэнную оболочку «чичика» при этом не наблюдалось, хотя умер клиент буквально на руках Змея.

– Ладно, – решил зайти с другого конца изнывающий от безделья и скуки Стасер. – А хоть о чем поешь, ты представляешь? Кто этот твой Леонид и его фалангисты, к примеру, знаешь? Или так просто воздух трясешь?

– Знаю, успокойся, – удивительно миролюбиво махнул рукой Змей. – В школе учился, как-никак обязательное сред-

нее образование тогда было. Леонид этот спартанский царь, а фалангисты это его бойцы, с которыми он целую армию пидарабов в каком-то ущелье с уж больно заковыристым названием держал...

Несколько обидную приставку «пид» Змей постоянно добавлял к местным арабам, важно замечая на вопросы, что это де им положено в связи с их половой ориентацией. Видимо и царь Леонид тоже в свое время бился по его мнению исключительно с сексуальными меньшинствами.

– Ух ты, и верно! – искренне порадовался за командира Альфы Стасер. – Не думал, что ты так в истории силен!

– Спартанцы вообще по жизни конкретные пацаны были, – поспешил закрепить успех, польщенный комплиментом Змей. – Ну типа теперешних спецов! А пидарабы они что? Никогда они путными вояками не были! Вот Ленька с братвой и расколбасил их там, пока они обходной дороги не нашли и кучей с тыла не навалились.

– Надо же, какие глубокие познания, – все-таки не выдержал и едва сдерживая смех вступил в разговор третий обитатель офицерского кубрика – командир Дельты поджарый чернявый парень неопределенной национальности по прозвищу Бек.

– Вот только мыслится мне, что не в одной воинской выучке тут было дело. Они же тогда город свой от набега вражеского защищали. Там же жены их остались, дети... А на что хаджи способны не вам рассказывать, сами не хуже меня

все знаете. Вот и дрались насмерть, и любой из нас в такой ситуации также дрался бы, да и сами хаджи сейчас именно поэтому амерам накладывают будь здоров. Кому понравится, что твою родину чужой сапог топчет...

– Ну ты полегче тут с такими рассуждениями, все же эти уроды не только амерам рыло периодически начищают, нам тоже не кисло достается. Так что нечего под их козлиные действия моральную базу подводить!

Бек на этот выпад лишь удивленно пожал плечами:

– Странный ты человек, Змей, ты вроде и живешь и делаешь все правильно, все как надо. Но по тупости своей ни хрена не понимаешь истинного смысла вещей, а потому все у тебя как бы наугад, от фонаря. Образования тебе не хватает, вот что! Ты вроде сердцем все правильно осознаешь, а объяснить даже для себя самого не можешь. Удивляюсь, как тебе вообще при таких раскладах группу доверили...

– Да уж не в Советской Армии, и без марксистско-ленинской теории справляемся, и без замполитов обходимся, особенно тех, кто раньше медресе закончил, а теперь своих братьев по вере отстреливает. Или думал я про тебя не знаю ничего? Шалишь, брат! Шило-то, оно острое, в мешке не спрячешь!

– А я и не скрывал никогда, – криво улыбнулся Бек. – Одно другому как-то не мешает. У нас в Татарстане это нормально.

– В Татарии, – с подковыркой поправил Стасер, он отлич-

но знал, как ревностно относились к добытому еще в девяностом году названию жители этой своеобразной мусульманской республики в составе вполне европейского государства.

– В Татарстане, родной, в Татарстане... Нету больше Татари... – сладким голосом пропел Бек. – Хотя и не в названии дело.

– Ладно, проехали, – дружески хлопнул его по плечу Стасер. – Так расскажи, ты что и правда в медресе учился.

– Не в медресе, в исламском институте и то недолго, – неохотно ответил Бек.

– Врага надо знать! – постепенно распаляясь, рубанул он рукой воздух. – А вы не знаете, и знать не хотите. Кто из вас хоть раз, пусть из любопытства, заглянул в Коран? Никто! Кто читал вахабитскую литературу? Никто! А на хрена?! Правильно, что нам?! Мы если надо вертушки вызвали или артиллерию и раскатали всех в лепешку... Вот еще заморачиваться, да разбираться что там у этих пидоров в головах, да почему это, а не что-нибудь другое... Да вы знаете вообще, что ислам – самая миролюбивая религия?! Что воины ислама как таковые – вообще нонсенс?!

Змей и Стасер молча слушали, удивленные неожиданной вспышкой всегда непробиваемо спокойного Бека, а тот продолжал кипятиться.

– Большая половина наших парней всю свою сознательную жизнь только и занимается тем, что борется с исламским фундаментализмом по всему миру! То в Чечне, то в

Таджикистане, то здесь... Но никому из них и дела нет, что это собственно за фундаментализм такой и вообще почему?! Дебилы! Конечно! Стрелять оно проще, особенно когда у тебя снайперка последней модели, а у полуголодного оборванного нищего духа кремневый карамульдук! Вот только хрен вы угадали! Все меняется и уже теперь тот самый дух вооружен и экипирован не хуже вас! И дальше соотношение постепенно будет меняться в его пользу! Потому что он не изнежен и не избалован роскошью и благами цивилизации, как большинство ваших соотечественников, потому что он рождает себе десяток сыновей, а вы, боясь лишней ответственности и тягот, не можете себе завести и одного ребенка. Да уже потому, что это именно он – небритый дух, выполняет у вас дома всю черную и грязную работу, которой вы не хотите заниматься сами. Да! Он живет у вас дома, и на сделанные, на вас же, деньги покупает оружие, для тех своих соплеменников, кто скачет по горам и в вас стреляет. А вы только бестолково ржете! И ни хрена не видите, как этот мир катится в пропасть! Если так пойдет и дальше, то лет через пятьдесят на планете будет один сплошной исламский халифат!

– Ну и что ты предлагаешь? – нарочито спокойно спросил Стасер.

Змей молчал, бестолково хлопая глазами, подавленный безрадостной картиной щедрыми мазками нарисованной Бекком.

– Я ничего не предлагаю, все уже предложили давно, и

люди поумнее, чем я, – устало махнул рукой Бек. – Вы сильно ошибаетесь, если считаете, что в наших правительствах сидят полные дебилы и жулики. Если бы они действительно были кретинами, то просто не заняли бы своих постов. Все они прекрасно видят и понимают. Я не имею в виду конечно уровень продажного мэра провинциального городка, дающего за взятки преимущества черножопым торгашам с юга, или ссученного мента, покрывающего действия этнических преступных группировок. Я говорю сейчас о главах правительств и крупнейших спецслужб мира, включая сюда, кстати, и Штаты, и бриттов, и Израиль... Называется эта байда – «доктрина Золотого Миллиарда»...

– Это типа столько денег стоит? – подал голос, несколько очумевший от такой длинной речи Змей.

– Это типа столько цивилизованных, что называется «белых» людей живет на Земном Шаре, – коротко обрезал его Бек. – Так вот, интересы этого миллиарда живущего достаточно благополучно и обеспеченно, жестко не совпадают с интересами остальных миллиардов населяющих планету и только и думающих, как бы отобрать и поделить на всех, то, что есть у миллиарда белых.

– Ну мы, русские, в этот миллиард тогда точно не входим, разве что какие-нибудь москвичи и прочие пидоры наворовавшие бабок во время всей этой долбанной перестройки, – снова встрял Змей. – Так что пусть пиндосы засовывают эту доктрину себе в задницу. Я, если честно, и сам не прочь от-

нять и поделить ихнее бабло!

– А вот тут ты не прав, Змей, – тихо ответил Бек. – Ты посмотри на местных хаджей повнимательнее – они же нищие, как коленка. У них же ничего нет, вообще ничего! Да есть какая-то там нефтяная элита, что на ролсах да кадиллаках рассекает, но это же капля в море. Да любой средний россиянин по сравнению с ними богач! И они это знают и ненавидят его за это похлеще, чем ты амеров! Тут еще и религиозную рознь учитывать надо.

– Да ладно, брось! – вмешался Стасер. – К русским тут традиционно хорошо относятся. Тут же наши советники постоянно тусовались, оружие мы им поставляли, да и вообще поддерживали...

– Ага, поддержал дурак голодного тигра! Уж тебе-то не стоит такую пургу гнать, сам же только со снайперской охоты! Или эти хаджи не знали, что на базе в основном русские гарды?

– Ну это, понятно! Война идет, и все такое... Единичный случай, короче...

– Ага! Единичный! А монумент шахидам ты в Багдаде не видал? Тем самым, что школы и всякие прочие норд-осты в любимой иракским народом России захватывают!

– Да ну, неужели правда?! Это где же такое блядство? – искренне удивился Змей.

– Есть такой... – угрюмо подтвердил Стасер. – В Багдаде тебе любой покажет, как же – достопримечательность! Един-

ственный в своем роде монумент этим уродам во всем мире...

– А что Саддам их семьям пенсии платил, не зависимо от того, в какой стране они теракт устроили, вы тоже не в курсе? Нет, ребятки, все! Время, когда еще можно было отсидеться и сказать, меня, мол, эта проблема не касается, кончилось! Теперь вопрос стоит так: или мы их навечно поставим на место, или они нас попросту уничтожат. И не надо уповать на ядерное оружие и высокие технологии! Это бесполезно: средства массового поражения применить просто-напросто никто не решится, а их численное превосходство легко сведет на нет любые технические преимущества. Да даже если они заплатят десятком своих жизней за одну нашу и то они будут в плюсе! А учитывая то, что с каждым годом среди нас становится все меньше тех, кто хочет и может оказать им сопротивление, то и вообще лет через двадцать им даже напрягаться не придется.

– Ну раз есть какая-то там доктрина, какие-то планы взятия ситуации под контроль на самом верху, то, наверное, все не так уж и трагично обстоит, – Ярагинно возразил Стасер.

– Да, слава Богу, есть люди, которые понимают нависшую над белой цивилизацией угрозу, и готовы с ней бороться. А бороться с агрессивным исламом можно и нужно изнутри: стравливать между собой различные радикальные группировки отличающиеся толкованием тех или иных догматов, поддерживать различные кланы и этнические группы нена-

видящие друг друга по национальному признаку... Впрочем действовать исподтишка по еще римскому принципу «Разделяй и властвуй». А вот для этого, каждый, кто вроде нас находится на переднем крае борьбы, должен знать с кем, а точнее с чем он имеет дело, внимательно изучать Коран, язык и культуру врага, ловить его на религиозные противоречия, умело пользоваться его же идеологическим оружием...

– Ладно, уймись! – коротко прервал Стасер разошедшегося аж до выступившей на губах пены Бека, ему вдруг стал абсолютно неинтересен этот хлещущий стандартной расистской паранойей разговор.

Он почему-то надеялся наконец-то услышать вместо стандартных идеологических штампов предложение реального выхода из ситуации, которая, что греха таить давно волновала его самого, однако опять лишь общие фразы, сплошное разочарование короче. И оно, как и любое другое разочарование, требовало немедленного отмщения разочаровавшему. Собственно поэтому Стасер далее произнес вовсе не то, что думал, лишь бы досадить Беку:

– Хочешь, изучай! Нам только со Змеем не надо мозги засирать... Мы сюда вовсе не бороться с мировой исламской гидрой приехали, а чисто конкретно деньги зарабатывать. А платят нам, как ты наверно заметил, за охрану объекта, потому мы не задумываясь будем отстреливать на подступах к нему любых агрессивных индивидуумов будь они белые, желтые, черные, или голубые в белый горошек. Я правильно

говоря, Змееныш?!

Не слишком много сумевший уловить из сказанного Змей усиленно закивал бритой макушкой:

– Ну да, бабки взарез нужны, это факт! А кого за них мочить надо – вопрос десятый!

– Да что с вами, плебеями разговаривать! – в сердцах махнул рукой, поднимаясь с койки, Бек.

Освобожденные от его веса пружины в такт высказыванию негодуяще забренчали.

– Вот из-за таких, как вы...

– Говорю же, успокойся! Достал уже! – прервал его Ста-сер. – Ты же сам мусульманин! Так какого хрена гонишь на своих единоверцев?!

– Да причем здесь мусульманин, не мусульманин! – вновь вскинулся Бек. – Я не о вере говорю, а о вполне экономическом разделении! На богатых и цивилизованных, и на нищих и диких!

– Ну и отвали от нас, нищих и диких! – угрюмо посоветовал, вновь начиная щипать гитарные струны Змей. – Вали к своему золотому миллиарду, а то скоро время намаза!

Досадливо махнув рукой и смешно трясая головой, будто все еще продолжая прерванный диалог, Бек широкими шагами направился к выходу из ангара. Отдергивая отделяющий офицерский кубрик полог, он нос к носу столкнулся, едва не врезавшись в выставленное вперед литое плечо с командиром группы Чарли.

– Ну и куда ты прешь, рожа конская? Не видишь, здесь люди ходят?!

Командир Чарли – пышущий здоровьем крепко сбитый крепыш, прозванный Конем за потрясающую выносливость и общую жизнестойкость, в ответ лишь радостно скалит крепкие идеально белые будто и впрямь лошадиные зубы. Группа Чарли сейчас дежурит на периметре и соответственно Конь исполняет обязанности дежурного командира охраны, поэтому он полностью упакован в легкий бронежилет и разгрузку. В почти сорокоградусную полуденную жару такой наряд не самое лучшее, что можно пожелать сослуживцу, однако Коня это похоже мало тревожит, лишь струйки пота, периодически чертящие замысловатые извивы на запыленном лице доказывают, что и его железный организм тоже подвержен воздействию местного климата.

– Опаньки, а что это, парни, здесь вдруг так конюшной завоняло? – делая вид, что не заметил вошедшего, глубоко-мысленно вопрошает Змей. – А, Конь, здорово, извини, сразу не увидел! А ты чего это в полной парадной сбруе? То есть я хотел сказать во всем снаряжении...

– Здравствуй, здравствуй, гад ползучий! Что я слышу? Тебе какой-то запах не нравится?

– Что ты?! Что ты?! Я совсем не то имел в виду! – в при-творном ужасе верещит Змей. – Только не бросай меня в тер-новый куст!

– Вот еще! Связываться с тобой, клоуном! Здорово, Ста-

сер!

– Здрав будь, боярин!

Стасер звонко хлопает по протянутой пятерне, по крепости и сухой жесткости действительно чем-то неуловимо напоминающей конское копыто. Коня здесь любят. За легкий веселый нрав, спокойную доброжелательную силу, честность и особую мужскую доброту ничего общего не имеющую с сентиментальным слюняйством.

– Слышь, Стасер, там какая-то муть творится. Сейчас по рации на нас выходили из Центрального, что-то они непонятное планируют. Вроде какую-то колонну будем сопровождать. Короче тебя Хайгитлер срочно к себе требует.

– Да ладно хохмить-то! Какую на хрен колонну, это же не наш профиль?!

– Да не знаю я толком! Давай короче, поднимайся и мухой к Рунге, он все расскажет.

– Блин, вот не вовремя ты появился, Коняра! Только я слегка покемарить надумал после обеда... – бурчит Стасер, нехотя приподнимаясь с койки и вслепую нашаривая стоящие где-то под ней ботинки.

– Нет, вы только гляньте на него! – негодуяще всплескивает руками, будто рассерженная базарная торговка, Конь. – Он еще и недоволен! А то, что я не жалея ног несея по жаре к нему с радостной вестью о предстоящем походе он уже не помнит! То есть мне за заботу да ласку даже спасибо ждать не приходится!

– Ох, исполать тебе, барин! – изображает неудачную пародию на поясной поклон Стасер. – Благодарность тебе моя вечная! Да чтобы ты был всегда здоров! Подков тебе золотых! Бант с цветами тебе в гриву! Уздечку с брюликами на шею!

Конь раздражается радостным ржанием, чем доводит и так заливающегося смехом на своей койке Змея буквально до судорожных колик.

* * *

Рунге встретил Стасера привычно сухо. Прямой как палка немец восседал за узким конторским столом обдуваемый струей прохладного воздуха выдуваемого напряженно пыхтящим кондиционером. Блеснули стекла элегантных профессорских очков, их наличие само по себе было довольно неприятным признаком. Обычно Рунге весьма щепетильно относился к производимому им на окружающих впечатлению и любая деталь, могущая хоть как-то подпортить имидж крутого вояки, безжалостно удалялась. Потому, несмотря на всем известную близорукость очки капитан кроликов позволял себе лишь в крайне важных случаях, видимо сейчас такой случай как раз и был. На столе перед немцем была разложена желто-коричневая карта окружающей пустыни, редкие зеленоватые вкрапления чахлых оазисов лишь слегка разбавляли общий мертвенно-песчаный фон. Рунге водил по

карте допотопным курвиметром тщательно вымеряя длину лишь ему одному понятной кривой линии, справа. На самом краю стола замер высокий тонкостенный стакан, наполненный коричневатой жидкостью. Традиционный чай со льдом. Ни кофе, ни колы Рунге не признавал в принципе. Судя по тому, что жидкости в стакане оставалось еще больше половины, а кубики льда давным-давно растворились, напиток был полностью забыт и не оказался до сих пор нечаянно пролитым на пол или карту лишь благодаря довольно обширным размерам стола.

Капитан даже не поднял головы в ответ на бодрое рывканье Стасера строго уставным образом сообщившего о своем прибытии, лишь коротко по-деловому кивнул на придвинутый торцом к его собственному стол и стоящие вдоль него стулья. Стасеру ничего не оставалось делать, как последовать этому не слишком любезному приглашению и в ожидании объяснений пялиться на карту где курвиметр капитана продолжал тщательно выводить непонятную кривую. Наконец колесико инструмента, проскрипев последний сантиметр по бумаге, замерло. Рунге еще несколько секунд внимательно вглядывался в ту точку на карте, где оно остановилось, затем медленно поднял глаза на Стасера. Ох, не понравились гарду глаза начальника! Нехорошие они были, красные как с похмелья, или недосыпа и вместе с тем какие-то загнанные, больные, точно как у родных российских алкашей с большого перепою мающихся. Вот только спиртного Рунге

на дух не выносил, и все на базе об этом знали.

– Хочу сообщить Вам, лейтенант, что на следующей неделе наша база будет подвергнута инспекции руководства Компании. К нам прибывает специальный инспектор, очень высокопоставленный сотрудник, имеющий большие полномочия. От того, какое мнение у него сложится о состоянии дел на нашей базе, боеспособности нашего подразделения и компетентности офицерского состава, будет зависеть очень и очень многое. Начиная от объема поставки необходимого оборудования и вооружения и заканчивая перспективами карьерного роста... Вы ведь не собираетесь до старости скакать по развалинам и палить во все что движется? Не надо меня прерывать, это был риторический вопрос. Вы ведь знаете, что такое риторический вопрос? – Рунге коротким жестом остановил собравшегося было отпустить какую-нибудь колкость Стасера и на несколько секунд замолчал с совершенно потеряннным видом массируя переносицу.

– С Вами все в порядке, капитан... – наконец решился осторожно прервать затянувшееся молчание Стасер.

– Да, да, конечно, – тут же вскинулся Рунге. – Прошу простить. Просто устал. Так вот. Инспектор пробудет на нашей базе сутки. Для проверки боевой готовности и эффективности охраны этого более чем достаточно. Естественно все должно быть подготовлено: проверено оборудование постов, вычищено и исправно оружие, столовая и спальное расположение убраны и, конечно, внешний вид Ваших бандитов

должен быть соответствующим...

«Ты еще про покраску травы не сказал и про привязывание веточек к деревьям, чтобы крона была симметричной, птеродактиль, – зло подумал Стасер, не забывая между тем почтительно кивать в такт высказываниям начальства. – Видимо это неистребимо! Вечная дурацкая показуха, так раздражавшая в родной Российской армии, нашла свое воплощение и здесь! Хотя, чему удивляться! Ведь Рунге – восточный немец, а там почти пятьдесят лет всю копировали порядки непобедимой и легендарной! Одно не понятно. Зачем же ты меня все-таки позвал? Ставить задачу на грандиозную приборку и приведение в порядок надо было на общем совещании командиров групп, а ты вызвал меня одного. Значит, есть что-то еще, то к чему ты никак не можешь подступиться сразу, а только с подводящим прологом в виде нудной лекции о наведении „строго уставного порядка“. Ох, не нравится мне все это, ох, не нравится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.